

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ

Методология, теория и история психологии

Коллектив авторов

**Взаимоотношения
исследовательской и
практической психологии**

«Когито-Центр»

2015

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии
/ Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2015 — (Методология,
теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0307-5

Книга посвящена одной из наиболее острых проблем психологической науки и практики – проблеме взаимоотношений между ними. Авторы анализируют различные аспекты этих взаимоотношений – как когнитивные, связанные с психологическим знанием, так и социальные, коренящиеся в состоянии психологического сообщества. Выдвигаются и отстаиваются различные позиции в отношении влияния сложившихся взаимоотношений между исследовательской (академической) и практической психологией на развитие каждой из них. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие когнитивные и социальные проблемы взаимоотношения двух разделов психологии, во второй – их взаимодействие в конкретных областях психологического знания и социальной практики.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0307-5

© Коллектив авторов, 2015
© Когито-Центр, 2015

Содержание

Часть I	6
А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич	6
А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков	13
А. В. Юревич	45
В. А. Мазилов	57
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

* * *

Часть I

Социальные и когнитивные проблемы взаимодействия исследовательской и практической психологии

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич

Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия)

История отношений академической психологии и практики в нашей стране прошла несколько этапов. В первые советские годы полная энергии психология, вооружившись марксизмом, чувствовала в себе готовность решать крупные проблемы – формирование нового человека. Первоначальный энтузиазм иссяк к середине 1930-х годов, однако желание приносить практическую пользу сохранилось, приняв менее радикальные формы. Стремившаяся реорганизовать производство психотехника была закрыта, как и реформистски ориентированная педология, но психология продолжала решать практические задачи, причем в разных сферах жизни. Показателен в этом отношении период Великой Отечественной войны, когда психологи были направлены на военные задачи от реабилитации раненых с поражением головного мозга до разработки маскировки в целях снижения разрушительной силы бомбардировок. В 1960-е годы в связи с развитием инженерно-психологических исследований психология стала полезна космонавтике и авиации, что способствовало повышению ее престижа и институционализации в качестве науки, имеющей представительство в Академии наук СССР (Журавлев, Ушаков, 2006).

История отношений теоретико-экспериментальной психологии с практикой и история рефлексии этих отношений – не совсем одно и то же. Реальные отношения модифицируются достаточно плавно, а рефлексия, проходящая сквозь призму идеологических воззрений своего времени, периодически претерпевает скачкообразные изменения. В 1970–1980-е годы в рефлексии стали преобладать более или менее реалистические науковедческие взгляды, предполагавшие при этом вполне гармоничные отношения между фундаментальной наукой и практикой. Классическое понимание связи теории, эксперимента и практики в психологии в рамках этого этапа выразил Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984). Фундаментальная теория должна верифицироваться (или, по К. Попперу, фальсифицироваться) в эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, способна, с одной стороны, проявить ценность теории, а, с другой – поставить перед теорией такие вопросы, которые будут стимулировать ее развитие. В результате «взаимодействие... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук» (Ломов, 1984, с. 51).

Однако на постсоветском этапе, начавшемся в 1990-е годы и фактически продолжающемся по сегодняшний день, в концептуализации отношений фундаментальной психологии с практикой произошли серьезные изменения. Начиная с этого исторического момента, мы будем анализировать изменение воззрений подробнее. Можно указать на *три основные причины* произошедшего переосмысления.

Во-первых, психологическая практика в конце XX в. бурно разрослась и охватила новые сферы, которые оказались весьма востребованными населением. Это, в первую очередь, относится к различным формам психотерапии, которые в 1990-е годы пережили в нашей стране настоящий бум. Тем самым численно возросшая и укрепившаяся собственными кадрами пси-

хологическая практика обрела право независимого голоса, который оказался далеко не всегда совпадающим с голосом академических ученых.

Во-вторых, если в советское время психологические службы и подразделения были, как и все прочие, государственными структурами и опирались поэтому на разработки государственных НИИ или вузовскую науку, то с развитием рыночной экономики появился сектор частных психологических и психотерапевтических услуг. Тем самым относительному организационному единству фундаментальной психологии и практики был положен конец. Более того, как часто случается, «маятник» развития качнулся в противоположную сторону – к отрицанию положительных сторон подобного единства.

Наконец, в-третьих, важную роль в переосмыслении связей академической науки и практики сыграла философия и методология постмодернизма. В контексте характерного для постмодернизма видения мира как фрагментарного и раздробленного выпукло выступили разрывы и нестыковки между академическим психологическим знанием и практикой (Степин, 1990; Теория и методология..., 2007; Юревич, 2000).

В результате в 1990-е годы начала создаваться совсем другая, радикально неклассическая картина соотношения фундаментальной психологии и психологической практики. Стали раздаваться голоса, свидетельствующие о том, что практическая психология (речь шла преимущественно о такой ее отрасли, как психотерапия) существует сама по себе, без опоры на экспериментальную науку (Василюк, 1996; Юревич, 2000). Было отмечено, что психологический процесс воздействия продолжает по-прежнему во многом оставаться искусством, «ускользая» от строго научных методов оценки (измерения) и проверки. Получается, что об одном и том же предмете, человеческой психике, существуют, по меньшей мере, два рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой, наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообществ, систем образования, научных ориентиров, авторитетов, кругов общения и т. д.

Похоже, однако, что в последнее время мы становимся свидетелями появления тенденций, направленных в противоположную сторону – на сближение академической и практической психологии (Проблемы фундаментальной и прикладной психологии..., 2008; Психологические проблемы семьи..., 2012; Психологическое воздействие в условиях..., 2014; Психологическое воздействие: механизмы..., 2012). На это есть серьезные основания.

Прежде всего, рассмотрение связи академической психологии с разными областями практики приводит к различным результатам в зависимости от того, о какой сфере практики идет речь. Картина, ставшая результатом рефлексии в 1990-е годы, во многом возникла по той причине, что предметом этой рефлексии была именно психотерапия. Как отмечалось выше, психотерапия оказалась в тот период чрезвычайно актуальной областью. Время, однако, перемещает акценты, и сегодня возникает потребность в более широком взгляде, интегрирующем различные сферы науки и практики. Действительно, в психотерапии очень мало нового выросло из лабораторных экспериментов. Однако не стоит генерализировать это утверждение и переносить его на другие отрасли психологической практики. Можно привести множество примеров. Инженерная психология и эргономика, как в 1960-е гг., так и сегодня, черпают свои основания из лабораторных экспериментов по переработке информации человеком (Ломов, 1984, 2006). Психологические подходы к подбору персонала основываются на четко проведенных исследованиях, показывающих прогностическую валидность индивидуальных особенностей личности (Hunt, Gotfredson). На экспериментальных данных по влиянию различных воздействий на убеждения людей строятся техники коммерческой и политической рекламы. Подобного рода примеры можно множить и далее. Следовательно, *представление о связи фундаментальной психологии с практикой надо строить на всей совокупности фактов, а не*

только на основе фрагмента реальности, связанного с различными формами консультационной практики.

Этого аргумента достаточно, чтобы не драматизировать проблему связи фундаментальной психологии с практикой в целом, а ясно понимать, что фундаментальная психология имеет немало практических приложений (Психологические исследования..., 2011; Психологические проблемы современного..., 2012; Психология нравственности..., 2010; Психология человека..., 2014; Рубцов и др., 2009). Однако те области, где практика носит автономизированный характер, представляют специальный интерес для изучения как в силу своей специфичности, так и потому, что их голос особенно громко слышен. Впрочем, для этих областей в последние два десятилетия тоже появились основания, позволяющие более детально говорить об их дистанцировании от фундаментальной науки.

К таким областям относится психотерапия, разрыв которой с экспериментальной психологией за истекшие 15 лет если и сократился, то не кардинальным образом. Однако стало меняться отношение к этому разрыву, и все более очевидным становится то, что констатация расхождений между теорией и практикой – это констатация ограниченности и теории, и практики.

В самом деле, последствия разрыва чувствуются в практической психологии, поскольку отсутствие опоры на эксперимент – существенный недостаток практики. Ведь стержень фундаментальной науки – система процедур проверки знания. Основанная на эксперименте теория является наиболее динамичной и энергично развивающейся. Такая теория приспособлена к тому, чтобы успешно прогрессировать в условиях разделения труда научного сообщества. При ней существуют эксплицитно установленные критерии, которые позволяют каждому члену сообщества предлагать свой способ развития моделей. Обратная связь, создаваемая экспериментом, приводит к опознанию области недостаточности теории и выявлению точек роста.

Лишенная этих процедур, да еще и имеющая дело со столь неопределенным и трудноизмеримым объектом, как психика, психологическая практика сталкивается с серией проблем, связанных, с одной стороны, с недостаточными темпами развития, а с другой – неоптимальной организацией сообщества.

Понятно, что отсутствие потока идей из теоретико-экспериментальной психологии, питающего технологические разработки, не способствует ускоренному развитию технологий. Кроме того, простой аргумент, являющийся аксиомой, например для бизнеса, гласит: чтобы улучшить, надо измерить. Для того, чтобы корпорация могла улучшить какой-то показатель своей деятельности, например качество товара, необходимо для начала его измерить, объективно зафиксировать. Затем уже можно разрабатывать меры по улучшению качества, эффективность которых удастся оценить. Так, и для эффективного развития психологической практики нужна оценка результатов.

Итогом, например, в такой области, как психотерапия, является неясность вопроса о ее развитии на протяжении последних, скажем, 50 лет. Добились ли за это время психотерапевты лучших результатов? Введены ли более эффективные новые подходы? Стали ли эффективнее старые методы, подобные психоанализу? Ответить на эти вопросы точно затруднительно ввиду недостаточности научных данных для ответа. «На глаз» же существенный прогресс не выглядит очевидным. Контраст с рядом опирающихся на теоретико-экспериментальную науку областей медицины, где за тот же период произошли революционные изменения, разителен.

Наиболее очевидной проблемой психотерапевтического сообщества является разделение на школы. «Существование множества школ, противоречащих друг другу в самых принципиальных положениях, давно воспринимается как некий вызов» (Сосланд, 2006, с. 54). Очевидно, что возможность выяснить истину в этих принципиальных положениях отсутствует без привлечения *воспроизводимых способов проверки*, которые предлагаются экспериментальной наукой.

Известный московский психотерапевт идет еще дальше в анализе особенностей психотерапевтического сообщества: «Предполагалось, что психотерапевтический метод создается ради нужд пациента... Правда заключается в том, что новые идеи и техники появлялись чаще всего для обслуживания интересов их создателя... новая теория и техника очерчивали некую область, в которой их автор (и вслед за ним его последователи) осуществлял свое господство. Нам даже не надо особенно затруднять себя примерами из истории психотерапии, ибо, мы уверены, это все понятно и так» (Сосланд, 1999, с. 7). В этом, по мнению автора, заключена причина разделения психотерапии на множество школ с разными методами и борьбы этих школ между собой. «Создание новых методов, как ясно всем... зачастую *никак не связано с действительными потребностями психотерапевтической практики, с интересами пациента* (здесь и далее курсив авторов. – А. Ж., Д. У., А. Ю.) ... Толчком к созданию новых методов в большинстве случаев не являются соображения, связанные с интересами пациента. *История психотерапии – это в первую очередь история желаний психотерапевтов создавать свои школы*» (там же, с. 12–13). По мнению А. И. Сосланда, психотерапевт – «идеобаллический»¹ специалист наравне с философом, священником, миссионером, политиком.

Очевидно, что «идеобаллическое» сообщество не предназначено для эффективного совершенствования своих инструментов. В нем сложно объективировать отношения между членами, решать научные споры общепризнанным способом. Теряется способность отличать эффективное от неэффективного, аргументировать эффективность и т. п.

Все вышеперечисленное дает основание для таких оценок: «К психотерапии пока не подходят никакие мерки, которые вполне уместны, когда речь заходит о сформированных научных дисциплинах» (Орлов, 2006, с. 83). «То, что существует в общественном сознании, то, что „у всех на устах“, – не психотерапия, как не психотерапевты и те, кто мелькает на страницах глянцевого журналов» (Орлов, 2006, с. 85).

Существует ли какой-либо иной путь преодоления перечисленных проблем, кроме сближения практики с теоретико-экспериментальными исследованиями? Другого пути не видно, поскольку только этим способом можно ввести объективные критерии, обеспечивающие поступательное движение. Таким образом, сближение с теоретико-экспериментальной психологией, если оно возможно, выглядит очень желательным.

Кроме этих стратегических соображений, существуют и тактические, более конъюнктурные. Примерно 10 % россиян, которые обращаются к психотерапевтам, относятся в основном к обеспеченным и образованным слоям общества (Бондаренко, 2006). Эти люди все больше становятся способны собрать информацию о научной оценке предлагаемой им терапии, в частности, используя ресурсы Интернета. В значительной степени таким путем пополняются ряды пациентов, желающих иметь дело с представителями *доказательной медицины*. И именно такие клиенты обращаются скорее к психотерапевту, чем к колдуну или гадалке.

Этот фактор дополняется идейными влияниями других областей – как смежных научно-практических сфер в нашей стране, так и психологической практики за рубежом. Движение доказательной медицины, о котором речь пойдет ниже, оказывает серьезное воздействие на психотерапевтическую практику в странах Запада (Журавлев, Ушаков, 2011а-д, 2012). Отечественная психотерапия в большой своей части сформировалась на базе заимствования западных методов. При этом естественно происходит некоторое запаздывание, и влияние доказа-

¹ «...идеобаллия (от гр. idea – общее свойство, идея, начало, основание, принцип; ballo – бросать, кидать, метать) – деятельность, соединяющая в себе... и производство идеи, и ее распространение в коммуникативном пространстве» (Сосланд, 2006, с. 61). «Идеобаллия состоит из трех основных моментов: производство идеологии, распространение ее в пространстве, рекрутирование максимального количества последователей данной идеологии» (Сосланд, 2006, с. 61). А. И. Сосланд также цитирует К. Ясперса, который писал о «почти неизбежном стремлении превращать психотерапию в мировоззренческое учение и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, сообщество наподобие религиозной секты».

тельного подхода в нашей стране еще только начинается. Во всех случаях опора на науку становится важной имиджевой составляющей успеха практикующего психолога.

Конечно, исторически психоанализ сумел стать весьма уважаемым, в результате состоялось его принятие как объекта для размышлений философами и писателями. Астрологии этого не удалось. Такое принятие, помимо какого-либо желания самих мыслителей, объективно самый сильный рекламный ход, который возможно предпринять. Приходя к психоанализу, образованный пациент знает, что находится у представителя профессии, которая освящена авторитетом Ж.-П. Сартра, Т. Манна или С. Дали, пусть и не принимавших психоанализ, но всерьез к нему относившихся. Однако годы наибольшей популярности психоанализа позади, от него веет уважаемой древностью. Это уже не тот инструмент, который воспринимается как находящийся на волне современности, которую «захватили» генетическая инженерия или нанотехнологии и с которой «удаляются» даже термоядерный синтез и орбитальные станции. Психоанализ не сумел модернизироваться, связавшись с какими-либо актуальными открытиями науки. Критерием уважаемости все больше становится проверенность.

Еще один источник перемен заключается в общем изменении общественной атмосферы: 2000-е годы в сравнении с 1990-ми, – это период частичного возвращения государства в экономику и социальную жизнь, которое коснулось и психологической практики. В этот период произошло новое «огосударствление» практики, появление запроса на нее от государственных структур, сравнимого с частным, а нередко и превосходящего его. В частности, знаменательным событием стало создание и поступательное развитие Московской службы психологической помощи населению. Служба стала первым в нашей стране подразделением, проводящим психологическую работу в масштабах целого региона, причем таким регионом стала финансово и интеллектуально мощная столица страны. Продолжилось и формирование ведомственных психологических служб, среди которых, пожалуй, наиболее примечательно развитие психологической службы в составе Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Развитие государственных психологических служб изменяет сложившуюся ситуацию. К сожалению, исторически сложившиеся в нашей стране условия таковы, что слова «функционер», «бюрократ», «чиновник» приобрели в русском языке выраженную отрицательную коннотацию, и мы нередко верим в злые намерения этих «персонажей» в отношении всего доброго и разумного, в том числе и психотерапевтических начинаний. Однако организационная логика и здравый смысл состоят в том, что государственные структуры не только имеют право, но и обязаны отдавать отчет по эффективности потраченных средств, в частности, что средства, потраченные на психологическую помощь населению, принесли какую-либо реальную пользу. А как это сделать, кроме как путем точной оценки эффектов психологического воздействия?

Такая оценка не вызывает у практикующих психологов никакого восторга и даже одобрения. Наши западные коллеги столкнулись с подобными проблемами почти два десятилетия назад и в несколько другой форме – в виде готовности страховых медицинских касс поддерживать только те виды терапии, эффективность которых доказана. У нас практика поддержки психотерапии страховой медициной не развита, однако масштабы государственных служб стали весьма значительными. Впрочем, пока административные органы в нашей стране не проявляют особой активности в этой области, что позволяет рассматривать этот фактор скорее как потенциальный, чем как реально действующий.

Все же в настоящее время эта ситуация оказывает влияние на психотерапию, поскольку постановка задачи государственными органами оказывается специфической. Она касается в основном человека в особом социальном контексте, связанном с риском – стрессовом, в связи с конфликтами и террористической угрозой, эмоционально осложненным, как в случае сиротства, неполных семей и т. д. При этом сразу же появляется возможность и необходимость исследовать психологические факторы, влияющие на динамику и исход этих ситуаций (Проблемы психологической безопасности, 2012; Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание...,

2011; и др.). Итак, целый ряд складывающихся в систему обстоятельств подталкивают психологическую практику к сближению с теоретико-экспериментальными исследованиями. Для теоретико-экспериментальной психологии последствия отрыва от некоторых областей практики тоже негативны и существенны, хотя они проявляются не столько в ее внутреннем состоянии, сколько во внешнем положении, социальном престиже и вытекающих отсюда следствиях. Для академических психологов наличие практической приложимости их фундаментальных разработок – предмет профессионального самосознания и профессиональной гордости.

Литература

- Бондаренко А. Ф. Психотерапия: тип социальности и сетевой маркетинг // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 68–76.
- Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Введение в издательскую серию «Научные школы ИП РАН» // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 9–18.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011а. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Практична ли фундаментальная психология? // Знание. Понимание. Умение. 2011б. № 2. С. 42–49.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия // Вестник практической психологии образования. 2011 в. № 2 (27). С. 15–20.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Вестник практической психологии образования. 2011 г. № 3 (28). С. 17–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология: пути к практике // Наука. Культура. Общество. 2011д. № 4. С. 21–32.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теоретико-экспериментальная психология и практика: встречный курс // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 9–71.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Орлов А. Б. Психотерапия в процессе рождения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 82–96.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в условиях межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В. Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.

Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Сосланд А. И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.

Сосланд А. И. Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 46–67.

Степин В. С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентиров) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 152–166.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков

Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики²

Уточним основные понятия, в частности, то, что понимается под *академической психологией*. Понятие академической науки этимологически имеет институциональный смысл: это та наука, которая развивается в исследовательских учреждениях академий. В реалиях западных стран ее следует скорее назвать университетской, поскольку там основную научно-исследовательскую нагрузку несут университеты, а не академии. Университеты ведут подобную работу и в нашей стране, поэтому можно предложить термин «академико-университетская психология».

Однако отнюдь не все научные сотрудники академий и преподаватели университетов имеются в виду, когда речь идет об академической психологии и обособившейся от нее практике, в основном психотерапевтической. В университетах, как западных, так и отечественных, трудятся, например, немало психоаналитиков, которые привержены клиническим методам и занимаются психотерапевтической практикой. Это означает, что граница обсуждаемого раскола имеет не институциональный характер, а относится к способам работы со знанием, различие в которых приводит к образованию обособленных профессиональных сообществ.

Термин «академический» этимологически и семантически близок слову *академичный*, т. е. следующий определенным канонам, которые связывают с «хорошей наукой». Однако вновь это не очень удачный демаркационный критерий, поскольку, пожалуй, трудно отказать ряду психоаналитиков в академичности, в то время как представители противоположного полюса могут быть академичными не в полной мере.

Может быть, адекватнее в рассматриваемом контексте использовать термин *фундаментальная психология*? Фундаментальная наука противопоставляется не только практике, но и прикладной науке. Фундаментальная наука устанавливает общие закономерности явлений. Прикладная наука на их основе строит модели конкретных процессов, имеющих практическое значение. Практики создают устройства, технологии и осуществляют их применение. Например, фундаментальная психология изучает, среди прочего, общие закономерности переработки информации, инженерная психология как прикладная отрасль строит модели переработки информации оператором при управлении различными техническими устройствами, которые затем могут быть использованы практиками при создании этих устройств и организации работы с ними (Ушаков, Журавлев, 2011в, 2012б).

Этот анализ значения термина показывает, что ни в рамках данной статьи, ни в каком-либо другом контексте заменить словосочетание «академическая психология» на «фундаментальная психология» нельзя. Академическая наука шире фундаментальной, и разрыв между фундаментальными и прикладными областями психологии не проходит. Более того, например, теория З. Фрейда в ряде аспектов (общие представления о личности и ее взаимодействии с обществом) вполне может быть названа фундаментальной, хотя включает и прикладные аспекты, и применяемые на практике психотерапевтические техники.

Настоящий водораздел проходит по линии использования *контролируемого эксперимента*. Одна психология, часто именуемая академической, строит теории на основе эксперимента или воспроизводимого исследования, а другая, именуемая практической, сверяет их с клиническим наблюдением и строит на них практическую деятельность, не особенно заботясь о воспроизводимой проверке.

² Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0011.

Отсюда в качестве вторичных возникают и остальные определения. Наука, основанная на эксперименте, должна быть связана с лабораториями, находящимися в университетах и академиях, что, однако, не мешает науке, не имеющей к эксперименту отношения, обосновываться там же.

В то же время эту науку не совсем точно было бы назвать экспериментальной, поскольку, предполагая эксперимент в качестве необходимого звена, она к нему не сводится. В психологии, конечно, нет такой выраженной специализации, как в физике: на теоретиков и экспериментаторов. В психологии, с одной стороны, не столь развитый моделирующий аппарат, как в математической физике, а с другой стороны, не столь сложная аппаратная организация эксперимента. Функции теоретика и экспериментатора в нашей науке в результате тесно связаны.

Практика в таких областях психологии, как психотерапия, где нет опоры на воспроизводимый эксперимент, тем не менее не может быть названа атеоретичной: в ее основе лежит теория, однако не экспериментальная, а основанная на впечатлениях клинициста. Классический пример – более чем вековая история психоанализа, в течение которой его основные положения не получили должного экспериментального подтверждения. Эдипов комплекс, стадии детского развития, принципы толкования сновидений – все это гипотезы, не выдерживающие экспериментальной проверки.

Самым точным было бы определить ее как науку, в которой теории обосновываются путем эксперимента или иных контролируемых и воспроизводимых эмпирических исследований. Такое определение, однако, было бы слишком длинным, поэтому в дальнейшем будет использован термин *теоретико-экспериментальная психология*.

Мы будем употреблять в качестве синонима и термин *академическая психология*. Хотя, как было показано выше, этот термин не совсем точно обозначает соответствующую реальность, нам представляется важным использовать его, чтобы сохранить единое терминологическое поле с предшествующими работами, где употреблялся именно этот термин. Следует специально оговорить, что при употреблении понятия «академическая психология» в этой статье имеется в виду теоретико-экспериментальная психология, а не те клинически ориентированные отрасли, которые в той или иной форме обосновались в академиях или университетах.

Термин *фундаментальная психология* будет употребляться в другом значении – в качестве противопоставления как практике, так и прикладной науке. Таким образом, фундаментальную психологию мы понимаем как часть теоретико-экспериментальной, или академической (Ушаков, Журавлев, 2011б, 2012а).

Соответственно на другом полюсе дихотомии по отношению к теоретико-экспериментальной психологии находится *психологическая практика*. Когда эта практика отделяется от теоретико-экспериментальных исследований, она уже перестает быть стороной единой психологии и превращается в относительно независимую *практическую психологию*. *Прикладная психология*, исследующая закономерности конкретных практически важных процессов, тем самым занимает промежуточное место между фундаментальной психологией, с одной стороны, и практикой, с другой. При этом прикладная психология, наряду с фундаментальной, входит в сферу теоретико-экспериментальных исследований.

Заметим, что, приводя определения терминов, мы ни в коем случае не утверждаем, что любая теоретико-экспериментальная психология оторвана от психологической практики. Мы утверждаем, что там, где этот разрыв существует, он происходит между теоретико-экспериментальной психологией и практикой, а не в какой-либо другой части науки. Многие психологические теории, построенные в университетах и академиях на основе экспериментов, имеют прикладные и практические аспекты (Ушаков, Журавлев, 2011 г), а многие виды психологической практики основаны на экспериментально обоснованной теории (Ушаков, Журавлев, 2011а). Масштабы этого разрыва и его причины предстоит уточнить.

Пути взаимодействия фундаментальной науки и практики

Теперь следует перейти к анализу механизмов взаимодействия теоретико-эмпирических исследований и практики в различных научных областях. Это взаимодействие происходит между тремя *основными процессами*. Первый состоит в развитии представлений об устройстве мира. Второй – в создании на основании этих представлений объектов и технологий, отвечающих практическим потребностям. Третий процесс – проверка эффективности этих объектов и технологий, дающая обратную связь и материал для дальнейшего совершенствования.

Все три процесса принципиально взаимосвязаны. Любое сконструированное человеком устройство (процесс или технология) основано на том или ином представлении о естественных, природных процессах, из которых инженерное (в широком смысле слова) искусство создает приспособления, отвечающие определенным потребностям. Даже магические практики основываются на тех или иных представлениях о действительности. Однако *эффективность практики*, если понимать под ней предсказуемость, возможность оценки соответствия результата ожиданиям, оказывается наибольшей, если в основу практики положена наука экспериментального типа, в которой модели обосновываются путем сопоставления их предсказаний с результатами специально организованных экспериментальных исследований (*experimentus crucis*).

В то же время эти процессы относительно независимы как исторически, так и в плане функционирования в сложившейся науке. Так, сегодня трудно представить строительство без расчетов, основанных на теории сопротивления материалов. Однако сопромат – изобретение намного более позднее, чем, например, строительство мостов. Древние римляне строили акведуки, конечно, не без теории, но их теории, подобно современным психотерапевтическим концепциям, были сводом правил, образованных опытом строительства и сметливостью строителей. Экспериментальная наука сопромата в самых ранних своих формах возникла, как считается, в трудах Г. Галилея, который в начале XVII в. впервые обосновывал необходимость применения аналитических методов расчета взамен эмпирических правил. Затем уже Р. Гук во второй половине того же века экспериментально установил носящий его имя закон, согласно которому удлинение стержня линейно зависит от приложенной к нему силы. В XVIII в. Д. Бернулли, Л. Эйлер, Ш. Кулон и др. основали теорию расчета стержня на изгиб и кручение, но лишь в XIX в. сопротивление материалов превратилось в экспериментально обоснованную науку, пригодную для проведения инженерных расчетов.

Этот пример весьма показателен. Исторически техника сложилась раньше экспериментальной науки и лишь затем, когда наука в соответствующих областях достигала достаточно высокого уровня развития, подвергалась ее стимулирующему влиянию. Сегодня же мы, находясь на относительно позднем историческом этапе взаимодействия фундаментальной науки и практики, подвергаемся ретроспективной иллюзии, поскольку в логическом смысле фундаментальные исследования предшествуют инженерным изобретениям. В настоящее время действительно многие инженерные области вытекают из достижений фундаментальной науки, как, например, создание ядерного оружия стало возможным только в результате развития физики атомного ядра. Эта логика доминирует и при учебном изложении, в результате чего у современных людей легко создается впечатление, что теоретико-экспериментальная наука всегда предшествует инженерии.

На основании сказанного можно выделить *три основных этапа* на пути исторического движения инженерной практики навстречу теоретико-экспериментальной науке.

На *первом* этапе практика имеет общечеловеческий характер и осуществляется всеми людьми или большинством из них независимо от профессии. Так, строительство жилища на

определенном этапе является всеобщим занятием, и в русских деревнях еще сравнительно недавно каждый взрослый мужчина обязательно имел определенные строительные навыки.

На *втором* этапе появляется профессиональное сообщество, специально обученное технологиям для осуществления соответствующей практики. В случае строительства такое сообщество выделилось весьма давно. В профессиональном сообществе этого этапа передаются технологии, основанные на эмпирически установленных правилах.

Наконец, на *третьем* этапе начинается взаимодействие с развившейся до необходимого уровня теоретико-эмпирической наукой. Например, в строительство внедряются экспериментально подтвержденные модели сопротивления материалов. На этом этапе инженерия становится больше, чем сводом правил, и получает опору в науке и толчок к быстрому совершенствованию.

Представляется, что эта схема, описывающая, например, историческое взаимодействие физики с инженерией, хорошо применима и к взаимодействию теоретико-экспериментальной психологии с практикой. В этом контексте следует задержать внимание на процессах, развивающихся на третьем этапе, включающем, в свою очередь, ряд стадий. Представляется, что те отрасли психологической практики, об оторванности которых от теоретико-эмпирических исследований идет речь, находятся на переходе от второго этапа к третьему. Можно выделить *два типа взаимодействия* теоретико-экспериментальной науки и практики, которые мы в одной из предшествующих публикаций назвали взаимодействиями типа А и типа В (Журавлев, Ушаков, 2011б).

Взаимодействие типа А заключается в том, что модели явлений или процессов, проверенные в экспериментальных ситуациях, используются при проектировании и создании практически важных технологий или технических объектов. При этом экспериментальные ситуации, как правило, мало похожи на ситуации практического внедрения. Бросание камней с Пизанской башни, удар током по лапе павловской собаки или разгон частиц в коллайдере – примеры таких экспериментальных ситуаций, которые, вопреки У. Найссеру, отнюдь не обязаны быть «экологически валидными». Таким образом, при взаимодействии типа А модели естественных явлений, пройдя через процессы инженерного конструирования, приводят к созданию практически полезных устройств и технологий.

Взаимодействие типа В состоит в систематическом сборе и обработке сведений о результатах практического применения устройств или технологий. Эти сведения позволяют оценить эффективность искусственных разработок, однако, как правило, добавляют мало информации о протекании естественных процессов. Если ракета-носитель разваливается, не выведя спутник на орбиту, то под вопрос ставятся не законы Ньютона, а конструкция ракеты или ее отдельных узлов и, возможно, компетентность конструкторов.

Далее мы рассмотрим особенности протекания А- и В-взаимодействия.

А-взаимодействие

Собственно А-взаимодействие выявляет основные возможности теоретико-экспериментальной науки для практики. Наука предоставляет инженерии модели процессов и структур. Инженерия, в свою очередь, отбирает те процессы или структуры, которые по своим результатам или свойствам соответствуют целям, стоящим перед инженерными устройствами, и пытается создать условия, чтобы запустить на практике нужный процесс или сконструировать нужную структуру.

Например, теоретико-экспериментальная наука разрабатывает модель организации атома, из которой следует существование огромных энергий, в нем заключенных. Но создание технологий высвобождения этих энергий вызвало необходимость гигантских проектов, которые включали не только научную, но и собственно инженерную составляющую. Таким

образом, новые представления о мире, создаваемые фундаментальной наукой, часто должны пройти достаточно длительный период в развитии, чтобы оказать существенное влияние на инженерию.

В то же время возможно и существенное развитие конструкций в рамках одних и тех же моделей естественных процессов без получения дополнительной подпитки из теоретико-экспериментальной науки. У инженерии есть свои внутренние возможности развития без поддержки науки. Вспомним, например, такое знаменитое изобретение, как игла Зингера. Какие разработки теоретико-экспериментальной науки легли в его основу? Очевидно, это изобретение было чисто инженерным, без подпитки со стороны научных знаний.

Инженерная конструкция основывается на естественных законах, но не выводится из них, поэтому инженерия – всегда искусство, а также отдельная область, накапливающая конструкции, изобретенные предшественниками.

Теоретико-экспериментальная наука создает поле, внутри которого возможно новое развитие конструкций. Но развитие конструкций внутри поля уже не требует обращения к науке. Наука открывает для техники потенциальные возможности, которые превращаются в реальность только усилиями инженеров. Впервые возможности для инженерии привносятся обыденными знаниями о мире: изобретение колеса не требует специальных научных знаний. Однако затем приход науки создает для инженерии новые горизонты. В то же время открыть горизонт – не значит до него дойти.

Таким образом, не следует считать, что теоретико-экспериментальная наука непрерывно поставляет идеи практике и что практика развивается только в результате поступления идей от науки. А. В. Юревич приводит систему аргументов, обосновывающих, что в естественных науках технологии и экспериментальные исследования развиваются относительно независимо, по своей внутренней логике каждая, а их взаимодействие осуществляется в виде время от времени происходящего вброса разработок из фундаментальной науки в технологию. Он пишет: «Очень поучителен имеющийся опыт анализа взаимодействия фундаментальной науки и разработки прикладных технологий. Так, в начале 1960-х годов под эгидой Консультативного совета по материалам Национальной академии наук США был проведен ряд исследований последних инноваций в области материалов. Эти исследования показали, что во всех рассмотренных случаях инновации не были следствием достижения фундаментальной науки, а непосредственно „вытекали“ из предшествующей технологической деятельности. Аналогичные выводы были сделаны инициаторами исследования 84 технологических инноваций, удостоенных в Великобритании Королевской премии» (Юревич, в печати).

К сходным выводам приводит и анализ научного цитирования: наука цитирует предшествующие публикации ученых, а технология обращается к предшествующей технологии, перекрестных ссылок мало.

Достижения теоретико-экспериментальной науки относительно необратимы – они закреплены в научных текстах, к которым можно обратиться. Даже то, что в свое время не встретило интереса, может со временем быть востребованным, подобно генетическим идеям Г. Менделя. Технологии относительно легко исчезают, так что их восстановление предполагает прохождение пути почти заново.

Таким образом, и после вступления в А-взаимодействие практическая инженерная область продолжает оставаться относительно самостоятельной и независимой от экспериментальной науки дисциплиной со своими возможностями развития внутри установленных закономерностей и своим профессиональным сообществом. Тем не менее А-взаимодействие путем периодического вброса моделей существенно расширяет границы инженерных возможностей, позволяя использовать вновь открытые процессы и структуры для достижения целей инженерных устройств и технологий.

В-взаимодействие

В-взаимодействие развивается из задачи контроля результатов применения разработанных устройств и технологий по мере усложнения этого контроля и возникновения в связи с этим потребности в точных и воспроизводимых методах.

Во многих случаях результат инженерной деятельности очевиден. Образ инженера, стоящего под мостом в момент его испытания, символизирует как несомненность результата инженерной практики (мост выдерживает или разрушается – результат налицо), так и реальную ответственность лица, осуществляющего практическую деятельность. Оценка результата в этом случае не представляет собой научной проблемы ввиду тривиальности.

Однако дело не всегда обстоит столь бесспорно. Например, в области фортификации и взятия крепостей в течение чуть ли не двух столетий доминировали идеи маркиза де Вобана и разработанная им тактика постепенной осады. Однако объективная оценка его практических успехов не так проста: некоторые воздвигнутые им крепости достаточно быстро пали перед неприятелем в период войн Людовика XIV. В итоге возникает вопрос: подтверждает ли практическая деятельность С. Вобана эффективность предложенной им системы?

Для того чтобы в этом случае дать точную оценку, необходимо привлечение изощренных научных методов. Можно, например, собрать статистику осад крепостей в конце XVII – начале XVIII вв. (которая, кстати, для того бурного времени обещает быть достаточно обширной) с учетом численности войск и артиллерии, руководителей осады и обороны, строителя крепости и т. д. и проанализировать множественную регрессионную модель, где в качестве зависимой переменной выступит продолжительность осады и ее исход. В результате такого анализа можно оценить роль С. Вобана как строителя крепостей и военачальника. Этот анализ был бы подобен тому, что проведен Д. Саймонтоном с целью определения личной роли Наполеона Бонапарта в победах его войск³.

В контексте статьи важно, что в приведенном примере оценка результатов практической деятельности в том случае, когда они не очень очевидны, превращается в научную задачу, для решения которой требуется опора на массивы данных и моделирование с помощью относительно сложных статистических методов. По мере уменьшения очевидности результатов практики проверка результатов преобразуется из доведка инженерии в самостоятельную научную проблему и намечается взаимодействие по типу В между теоретико-экспериментальной наукой и практикой.

Возьмем более современный пример – испытание автомобилей на безопасность по системе EuroNCAP. Задача оценки такого инженерного устройства, как современный автомобиль, с точки зрения безопасности весьма непростая, поскольку возможно множество различных ситуаций дорожно-транспортных происшествий, в которых автомобиль должен обеспечивать безопасность пассажиров, а также пешеходов. Подходы к решению этой проблемы были разработаны в начале 1990-х годов в Европейском комитете экспериментальных транспортных средств (EEVC), что само по себе показывает сложность и «наукоемкость» проблемы оценки инженерных устройств. Однако внедрение этого метода произошло весьма постепенно, начавшись в 1994 г. в Великобритании и в дальнейшем охватив другие страны. При этом шел достаточно острый дискуссионный процесс, в ходе которого ставилась под сомнение состоятельность методики. Так, в феврале 1997 г. автопроизводители жестко раскритиковали методики и оценки EuroNCAP, в частности апеллируя к тому, что требования завышены. К настоящему времени, правда, критиков заметно поубавилось, а казавшиеся когда-то завышенными требования существенно превзойдены.

³ Кстати, эта роль оказалась не столь значительной, как это может показаться интуитивно – примерно 9 % общего успеха.

На примере EuroNCAP можно сделать несколько существенных заключений.

Во-первых, потребность в специальных методах испытаний возникает там, где результат сам по себе недостаточно ясен, но ответственность за него высока. Безопасность транспортного средства – сложное понятие, включающее свойства, которые проявляются в разных ситуациях. Многовариантность ситуаций функционирования устройств и технологий – ключевой вопрос, определяющий сложность их оценки.

Во-вторых, необходимым условием оценки является контролируемость и воспроизводимость ситуации тестирования. Каждый желающий по каким-либо причинам проверить результаты испытаний может полностью воспроизвести их и сопоставить результат. Функции разработки конструкции и ее проверки выполняются разными людьми, что увеличивает объективность оценок.

В-третьих, однозначность контроля в ситуации испытания достигается с помощью сложных и детализированных методик. Сложные ситуации оценки требуют участия науки, хотя и в виде ее прикладных областей. Участие науки выражается в создании понятийной системы, установлении совокупности реперных точек для оценки устройства, т. е. перечня ситуаций, поведение в которых рассматривается как критически важное, и разработке методов.

В-четвертых, А-взаимодействие, которое весьма интенсивно в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и выражается в разработке материалов кузова, моделей расчета деформации при ударе (на основе все того же сопромата), электронных помощников водителя и во многом другом, оказывается недостаточным для того, чтобы без участия В-взаимодействия заранее оценивать характеристики разрабатываемого продукта. Хотя деформация кузовов автомобилей в случае аварии может быть смоделирована на компьютере, рейтинги пассивной безопасности Euro NCAP присваиваются по результатам краш-тестов.

В-пятых, характерно, что методики контроля очень часто подвергаются критике, причем в основном это происходит со стороны людей и организаций, деятельность которых оценивается (в данном случае – автопроизводителей). При этом критика направляется, как правило, на то, чтобы доказать неправомерность выдвигаемых критериев оценки.

В-шестых, в приведенном примере участие В-взаимодействия в прогрессе инженерных конструкций является косвенным – через организацию обратной связи. В дальнейшем будет рассмотрен вопрос о возможности прямого участия В-взаимодействия в развитии технологий, а именно о создании на его основе новых моделей.

Наиболее яркие образцы В-взаимодействия дает современная медицина, в которой разработка новых лекарств и методов лечения на основании самых современных знаний о работе человеческого организма (А-взаимодействие) не освобождает от необходимости проведения тщательных клинических испытаний (В-взаимодействие).

В медицине на основе моделей биологических процессов, происходящих в человеческом организме, гораздо сложнее предсказать эффективность лекарств, чем в инженерии на основе проекта устройства предсказать его работу. В организме существует множество взаимосвязанных процессов, трудно поддающихся учету на современном этапе развития науки. Создав модель процесса и применив эту модель при лечении некоторого заболевания (А-взаимодействие), медикам трудно а priori исключить возможность того, что какие-либо компоненты этого процесса окажутся включенными в другой процесс, вызвав нежелательные последствия или, наоборот, устранив необходимые условия нормального функционирования. Тогда в связи с необходимостью отследить, в какой степени модель соответствует реально разворачивающимся при лечении процессам, на помощь приходит В-взаимодействие.

Представим, что мы установили, что некий нежелательный процесс А в организме человека (например, повышение артериального давления) происходит вследствие процесса В, запускаемого агентом С. Тогда можно представить, что методом избавления от процесса А может быть введение агента Д, способного подавлять действие агента С. Это общее рассужде-

ние может действительно привести к разработке эффективного метода лечения, однако возможны побочные результаты такого лечения, например, если агент С оказывает не только негативное, но и весьма полезное для организма действие в отношении процесса Е.

Классический случай – лекарство, разработанное для терапии аритмии, флекаинид. Лекарство было создано на основании научных знаний о процессах, лежащих в основе сердечного ритма. Испытания подтвердили, что флекаинид действительно эффективно устраняет желудочковые аритмии. В этом плане научная модель, примененная для создания медицинской технологии (А-взаимодействие), сработала.

Однако испытания показали и другое: продолжительность жизни пациентов в результате применения этого препарата достоверно понижается. Это означает, что лекарство, приводя, как это и было предсказано моделью, к оптимизации процессов, связанных с сердечным ритмом, в то же время оказалось включенным в другие, заранее не предсказанные и при этом опасные для жизни пациента процессы.

Случай с флекаинидом показателен еще и тем, что положительный эффект препарата может быть зафиксирован быстро, в то время как более сильные отрицательные последствия выявляются отсроченно. Это означает, что создание методов проверки – сложная задача, требующая учета многих факторов, в данном случае – отсроченности ряда эффектов.

Можно, следовательно, выявить два свойства, которые определяют значимость В-взаимодействия для соответствующей области науки и практики. Первое заключается в том, насколько эффект практического воздействия или устройства многомерен, реально наблюдаем и велик.

Второе свойство – моделируемость реальных процессов в теории. В сфере техники поведение устройств обычно достаточно хорошо моделируется и, как следствие, может быть предсказано. В этом случае на основании теории удастся создавать устройства, поведение которых прогнозируется заранее с высокой степенью точности и наиболее значимым оказывается взаимодействие типа А. Однако чем сложнее объект, тем менее он поддается теоретическому моделированию, тем менее точным получается прогноз относительно поведения создаваемого объекта и тем важнее для практика оказываются данные типа В-взаимодействие.

Моделируемость понижается вследствие наличия в объекте многочисленных взаимосвязанных процессов, учет которых затруднителен, подобно тому как это происходит в медицине. При этом иногда разработанные на основе хороших моделей средства оказываются неэффективными. Любопытно, что в некоторых случаях, напротив, практически эффективными могут оказаться технологии, которые основаны на не очень оправданных в экспериментальной науке теориях. Хотя для современной биологии принципы «подобное лечить подобным» или высокого разведения С. Ганемана выглядят по меньшей мере спорными, вполне современные мета-аналитические исследования показывают, что предложенная гомеопатами эхинацея, лежащая в основе, например, такого препарата, как иммунал, является одним из немногих эффективных средств профилактики и лечения острых респираторных заболеваний.

Вообще, как пишет известный врач, «логичные методы лечения часто оказываются неэффективными или даже опасными для больных» (Царенко, 2004). Фактически это означает, что логический вывод методов лечения из наших представлений об устройстве человеческого организма (данных типа А) может быть неэффективным и даже опасным. Необходимо дополнить его статистически выверенными данными о результатах лечения (данными типа В). Устройство организма столь сложно, что при частичном знании оказывается непроницаемым для самого логически мыслящего ума.

Таким образом, мы видим различия в соотношении между теорией и практикой для областей с различной сложностью объекта. В областях с относительно простым и хорошо моделируемым объектом данные типа А являются основными и позволяют создавать хорошо предсказуемые устройства и технологии, хотя и в этом случае данные типа В оказываются полезным

дополнением. По мере усложнения объекта все большую роль приобретают данные типа В, которые позволяют путем обратной связи в некоторой степени компенсировать расхождение теоретической модели и реальности. Использование данных типа А является по определению более экономным и заслуживает предпочтения при наличии возможности, поскольку эти данные относятся к более общему случаю, на основании которого в качестве частных случаев может быть разработано много устройств и технологий. В то же время возможность подобного использования ограничена сложностью и моделируемостью объекта.

Специфика психологии

Из сказанного ясно, что расхождение теоретико-экспериментальной и практической психологии – не столь уж аномальное явление в сфере науки. Те отрасли психологии, которые, подобно психотерапии, производят технологии, не могут не быть в определенной степени обособлены от отраслей, занимающихся теоретико-экспериментальными исследованиями. Если же это обособление почти полное, то это означает, что развитие психологической практики не перешло от обозначенного выше второго этапа к третьему.

Вместе с тем есть и некоторые особенности, вызывающие удивление. Так, трудно найти аналог в других областях таким феноменам, как психоанализ, который из практики, минуя экспериментальную проверку, превратился в концепцию о человеческой природе. Другими словами, теория, выросшая из практики и направляющая ее при том, что экспериментальная проверка приводит к отрицательным результатам, представляет собой достаточно странное явление в науке.

Теперь следует обсудить причины особенностей психологической науки в плане взаимодействия теоретико-экспериментальных исследований и практики. Выкристаллизовываются *два основных подхода* (Журавлев, Ушаков, 2011а). Согласно *первому* из них, дело заключается в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. Это знание пока не является настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики. В этой логике дальнейшее развитие основанной на эксперименте эмпирической науки приведет к оптимизации ее отношений с практикой.

Согласно *второму* объяснению, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественно-научным образцам лежат в основе ее отрыва от практики (Ломов, 1984). Практика в рамках такого взгляда нуждается в фундаментальной науке, по-новому ориентированной, которая уже не будет целиком полагаться на могущество эксперимента, а отдаст дань более гуманитарно направленным вариантам знания.

Ниже будут проанализированы оба подхода.

Теория типов знания Я. А. Пономарева и проблема соотношения теории и практики

Основы первого подхода заложены в методологии, разработанной выдающимся отечественным психологом Я. А. Пономаревым. По мнению Пономарева, можно выделить *три типа научного знания* – созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий. В контексте данной статьи основной интерес представляют два последних, поскольку именно они характеризуют экспериментальную науку, в то время как первый относится к науке доэкспериментальной.

При *эмпирическом* типе знания не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). Иными словами, при том многообразии проявлений, которыми характеризуется поведе-

ние человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуется другая модель и т. д. Таким образом, образуется *эмпирическая многоаспектность* – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях.

Сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой психики человека. Мы знаем о механизмах цветовосприятия и о воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к видению целого, которое объединило бы эти наши локальные достижения в единое целое.

Синтез, или интеграция, локальных моделей представляет задачу *действенно-преобразующего знания*, которое должно упорядочить локальные модели на основе «объективных критериев», в качестве которых, по Пономареву, выступают «структурные уровни организации явлений – трансформированные этапы... развития» (Пономарев, 1980, с. 42).

Выделение знаний как типов достаточно условно, Пономарев рассматривает их как полюса, к которым тяготеют научные концепции и исследования: «Ни один из перечисленных типов не существует реально в чистом виде, но каждый из них сравнительно легко выделяется путем идеализации» (Пономарев, 1980, с. 200).

Фактически можно представить соотношение эмпирического и действенно-преобразующего знания как континуум, на котором объяснительные модели расположены в последовательности от наиболее локальных к все более и более синтетичным.

Принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является «раскрытие глобального черного ящика». Знание эмпирического типа описывает «черный ящик» извне, а если раскрывает, то делает это только применительно к локальному «черному ящику», к механизму отдельной изолированной функции.

В свете схемы, предложенной Пономаревым, различные сферы практики можно разделить в зависимости от их *локальности* или *глобальности* в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком отдельных действий (Ломов, 2006) и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть весьма значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач (Проблемы фундаментальной и прикладной..., 2008; Проблемы экономической психологии..., 2004, 2005; Психологическое воздействие..., 2012, 2014; Психология нравственности..., 2010; Психология человека..., 2014). Примером может служить инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации.

Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности, как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточно фундированными экспериментом, в результате чего классическая схема «теория – эксперимент – практика» нарушается.

Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются полностью бесполезными. Локальные модели могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

Ниже будут рассмотрены несколько способов, которыми *локальные модели* могут быть использованы на практике. Локальные модели могут быть поделены на несколько типов, из которых выделим два. Во-первых, это локальные *модели механизмов*. В этих моделях проис-

ходит «раскрытие черного ящика», но только в части локального механизма, который является лишь частью того механизма, что стоит за явлением. Во-вторых, *модели условий протекания процессов*. Здесь «черный ящик» не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом.

Из общих соображений может показаться, что модели механизмов «мощнее» моделей условий, поскольку дают возможность предсказывать поведение системы во всем спектре ситуаций. Однако проблема локальных моделей механизмов связана с относительностью разделения человеческой психики на модули. Например, можно создать модель решения человеком силлогизмов, которая, конечно же, не опишет, почему человек пришел на эксперимент, как он отнесся к экспериментатору и обстановке экспериментальной комнаты, о чем и о ком вспоминал в паузах и куда пошел после эксперимента. Однако ввиду того, что человеческая психика не состоит из модулей, то, что описывается как локальный механизм, есть в действительности компонент работы более общего механизма. При изменении контекста феномены, которыми обосновывалось существование механизма, как бы «растворяются в воздухе».

Здесь становится очевидна дополнительная причина сложностей в психологии по сравнению, например, с медициной. Человеческая психика, как и организм, – система с чрезвычайно сложными взаимосвязями. Поэтому, как и в медицине, весьма сложно оценить все возможные побочные эффекты. Логично, следовательно, что, как и в медицине, в психологической практике А-взаимодействие, опирающееся на модели такого типа, должно быть дополнено В-взаимодействием.

Вместе с тем в психологии есть свои дополнительные трудности. В медицине более четко выделяются локальные процессы, пусть и находящиеся в тесной взаимосвязи. В организме «части» системы пусть не обособлены, но отличимы друг от друга. В человеческой психике части выделить еще никому не удалось. Очевидна относительность разделения на когниции, эмоции и волю, как и на восприятие, память, представление, мышление и т. д.

В этом плане создание локальных моделей механизмов – логичный путь к тому, чтобы постепенно решать большую проблему, но при этом фактически каждая модель относится не к обособленной реальности, а к «функциональному органу», формируемому для решения определенной задачи и тем самым зависимому от структуры целого, подобрать к которой пока не удается.

Тем не менее знания локальных механизмов могут быть весьма полезны практике. Они не обеспечивают целостного алгоритма действий, не могут обеспечить предсказания результата, зато служат весьма эффективным дополнительным инструментом в руках профессионала.

Психологический конструктивизм как альтернатива в решении проблемы

Альтернативный подход в весьма последовательной и развернутой форме проводится известным философом, культурологом и методологом В. М. Розиным, который подвергает сомнению возможность существования психологии как естественной науки, опирающейся на закон: «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). Психологические явления зависят от времени и культуры, поэтому с помощью законов или моделей мы можем описывать только тот или иной тип психики человека, сложившийся в определенных культурных и иных условиях. Универсализировать закономерности нельзя, поскольку у людей, сформированных иным образом, эти закономерности перестают действовать. Психология не есть знание о человеке как таковом, она не конструирует универсальных методов воздействия. «Психолог выступает не от лица всеобщего абсолютного субъекта познания или практического действия, а *от себя лично* и того

частного сообщества, той частной практики, в которые он входит, представления которых разделяет» (Розин, 2010, с. 100–101).

В реальной психологии, по мнению Розина, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность *рассчитывать, прогнозировать и управлять*, а схемы – только *понимать феномены и организовать с ними деятельность*. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие, с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны, действовать практически» (Розин, 2010, с. 93).

При этом психология – не только знание о человеке, но его проект (замышление, по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин, Розин, 1993, с. 25).

С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобно другим артефактам – зданиям, произведениям искусства, машинам и т. д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает *культура*. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой «стройке».

Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа «человеческих построек». Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип «постройки». В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психотехническое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией.

Следует отметить, что Розин также обращает внимание на проблему локальных и глобальных моделей, которая была затронута выше: «В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность⁴ и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических представлений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев» (Розин, 2010, с. 101).

Подход Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы. Очевидно, что в какой-то мере каждый человек – конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях. Например, конструируя здание, архитектор не в силах отменить законы физики. Подобно этому, культура может конструировать человека в пределах, отведенных для этого законами природы. Насколько широки эти пределы? Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ на вопрос о наиболее *общих закономерностях*, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным случаем* при тех или иных значениях параметров. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задаться вопросом, является ли она универсальной или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой.

⁴ По-видимому, автор имеет в виду операционализируемость моделей, возможность установить их соответствие эмпирически фиксируемым параметрам.

Современная психология достаточно плодотворно исследует закономерности поведения в естественно-научном ключе. В то же время получен ряд локальных результатов, показывающих некоторую зависимость когнитивных процессов от языка в духе гипотезы лингвистической относительности. Для экспериментальной психологии в контексте идей психологического конструктивизма важно задаться вопросом, насколько описанные ею закономерности являются зависимыми от культурно-исторической конституции человека. Например, является ли тот же когнитивный диссонанс «естественным» свойством человека или культурно сформированным феноменом. Пока на вопросы такого рода нет окончательного ответа. Можно, однако, констатировать, что экспериментальная психология движется в сторону изучения такого рода вопросов. В том числе происходит и развитие статистических техник, которые позволяют устанавливать закономерности, свойственные лишь под-выборкам общей выборки испытуемых. Это означает возможность фиксации локальных (т. е. проявляющихся внутри определенным образом культурно организованных типов протекания психических процессов) закономерностей, на чем настаивает психологический конструктивизм.

В контексте данной статьи, однако, важен другой вопрос: насколько указанная дихотомия может рассматриваться в качестве реального источника расхождения между ориентированной на эксперимент фундаментальной психологической наукой естественного типа и психологической, точнее – психотерапевтической практикой? С позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, а схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащей с патологией: «...Многие представители психологического цеха склонны к манипуляциям в отношении человека или к стремлению культивировать болезнь. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе как культивирование патологических наклонностей. Когда З. Фрейд настаивает на мифе Эдипа, превращая его в фундаментальный закон психического развития человека, разве он не культивирует психическую патологию?» (Розин, 2010, с. 96).

Реальная проблема нестыковок между психотерапевтической практикой и фундаментальной наукой состоит в том, что средствами эксперимента не удастся смоделировать соответствующую реальность. С позиции психологического конструктивизма следовало бы ожидать другого: для людей, организованных в соответствии с разными схемами – разного протекания психических процессов.

До возможностей, когда такое положение дел могло бы выясниться, современная экспериментальная психология еще просто не дошла. Следовательно, необходима большая работа в парадигме естественно-научного подхода, после которой имеет смысл ставить вопрос о пределах, после которых эта парадигма может стать неадекватной (Журавлев, Ушаков, 2012а).

Можно констатировать, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако этот подход не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать ряд принципов психологического конструктивизма. Необходимо лишь определить границы применимости этих принципов и констатировать, что в ряде случаев экспериментальные методы еще не позволяют достигать тех пределов, после которых оценки конструктивизма могут принести серьезную пользу.

А-взаимодействие в психологии

Необходимо учесть, что, как уже отмечалось выше, различные разделы психологии нельзя оценивать одним способом. Часто при обсуждении подобной проблематики под психологической практикой подразумевают именно психотерапию, что приводит к явному пере-

косу общей картины. Психотерапия является весьма специфической отраслью, где разрыв между лабораторной экспериментатикой и техниками практиков особенно велик. Для получения сбалансированного видения проблемы необходимо учесть и практику в таких областях, как, например, инженерная психология, в которой большое место занимают проверенные в экспериментах информационные модели.

Однако и в психотерапии А-взаимодействие тоже присутствует. Воспользуемся для примера материалами, связанными с воздействием экстремального (травматического) стресса. Катастрофы, насилие, боевые действия, стихийные бедствия и т. п. встречаются в повседневной жизни людей все чаще и, соответственно, в современном обществе пропорционально возрастает количество тех, кто в результате такого воздействия страдает особой формой психопатологии – *посттравматическим стрессовым расстройством* (ПТСР). Таких людей среди переживших травматический психологический стресс может оказаться от 15 до 70 %, что в основном зависит от тяжести переживаемого события и от сочетания психической травмы с нарушениями физической целостности человеческого организма, т. е. физическими травмами. Таким образом, практическая значимость работ в области ПТСР очевидна.

Выше при обсуждении подхода, предложенного Пономаревым, речь шла о локальных моделях двух типов, которые могут внедряться в психологическую практику: локальные модели механизмов и модели условий протекания процесса. Вначале рассмотрим модели условий протекания процесса.

В лаборатории ИП РАН под руководством Н. В. Тарабриной были выявлены различные факторы, влияющие на глубину посттравматического стресса и возможности его преодоления у разных категорий людей (Падун, Тарабрина, 2004). В этой работе производился анализ внешних и внутренних условий, способствующих и препятствующих развитию посттравматического стрессового расстройства. Фактически в таких исследованиях *практическая полезность* достигается за счет анализа *условий* (включая как внешнюю среду, так и индивидуальные свойства человека), в которых происходят сложнейшие и не поддающиеся пока полному анализу посттравматические процессы.

Могут ли эти исследования быть использованы для построения новых психотерапевтических техник? Выше говорилось о том, что в рамках А-взаимодействия теоретико-экспериментальная наука поставляет практике лишь модели. Построение технологии – отдельная задача, которая может основываться на экспериментально выработанной модели, но не выводиться из нее непосредственно. В данном случае к тому же речь идет лишь о локальных моделях, которые не раскрывают «черный ящик» стрессового расстройства, а описывают условия, в которых он демонстрирует разные реакции. Однако эти исследования, безусловно, могут выступить подспорьем в практической деятельности психолога. Они показывают факторы, воздействие на которые позволяет снижать риск развития посттравматического стрессового расстройства. Модели условий протекания процесса, следовательно, могут быть использованы как вспомогательные средства, которые оказывают существенную помощь квалифицированному специалисту в процессе индивидуального консультирования.

Чрезвычайно важно то, что модели условий могут быть практически применены далеко за пределами индивидуального консультирования, например, для целей оценки в масштабах общества возможных психологических последствий тех или иных экстремальных ситуаций (Проблемы психологической безопасности..., 2012; Психологические исследования проблем..., 2013; Психологические проблемы современного..., 2012; Психология адаптации..., 2007; Стресс, выгорание, совладание..., 2011). Выше речь уже шла о том, что задача помощи населению в масштабах крупных государственных служб стоит шире одной лишь проблемы консультирования (Психологические проблемы семьи и личности..., 2012). Гораздо лучше провести профилактику, чем впоследствии лечить расстройство. Для работающего в одиночку или в небольшом коллективе психотерапевта такое положение бессмысленно, поскольку его

осуществление явно выходит за пределы возможностей. Однако в качестве государственного подхода оно реалистично и представляется оптимальным. Для целей же профилактики модели условий являются чрезвычайно ценными и позволяют наметить эффективные пути А-взаимодействия.

Таким образом, теоретико-экспериментальная наука постепенно нащупывает подходы к анализу различных трудных жизненных ситуаций, попадание в которые и приводит людей в кабинеты психологов, социальных работников, психотерапевтов и т. п. Изучение факторов, которые в таких ситуациях обуславливают характер переживаний, а главное – влияют на разрешение и успешность выхода из них, оказывает неоценимую услугу самой практике психологического воздействия.

Перейдем теперь к локальным *моделям механизмов*. Рассмотрим диатез-стресс модель депрессии А. Бека, которая, оставаясь локальной, является по сути моделью механизма. В ней описан механизм возникновения депрессии в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов. Модель Бека заслуживает особого внимания в рассматриваемом контексте. Она легла в основу когнитивной психотерапии, которая на сегодня является наиболее завязанной на экспериментально обоснованную теорию (Clark, Beck, 2010).

Первые работы Бека в 1950–1960-х годах были связаны с попыткой экспериментальной проверки психоаналитических представлений о депрессии. Эти работы дали отрицательный результат: экспериментальные гипотезы, сформулированные на основе психоаналитических воззрений, не подтверждались. Такой результат с позиции сегодняшнего дня не удивителен; теория психоанализа сформировалась на основе клинического опыта, вне экспериментального контекста, и попытки ее проверки методом контролируемого исследования привели к неудачам. Кстати, Американский психоаналитический институт не принял Бека в свои ряды на том основании, что «само его желание проводить исследования указывает на то, что он не прошел правильный психоанализ» (Aaron T. Beck, электронный ресурс).

Основой для разработки собственной модели стали все же клинические наблюдения Бека, который заметил, что пациенты с депрессией склонны к спонтанно появляющимся сериям негативных мыслей о себе, окружающем мире и будущем. Он назвал этот феномен «автоматическим мышлением» и интерпретировал его в терминах, заимствованных из такой отрасли экспериментальной психологии, как когнитивная психология. На этой основе он разработал свой метод терапии, который предполагает выявление и оценку негативных мыслей. Более того, Бек стал активно проводить исследования, разработав для этого несколько психометрически выверенных опросников депрессии и тревоги – Тест депрессии, Шкалу безнадежности, Шкалу суицидальных мыслей, Тест тревожности, а также детско-подростковый опросник.

Теория Бека представляет собой по существу модель локального механизма, которая, с одной стороны, служит базой для психотерапевтической технологии, а с другой, опирается на экспериментальные данные и, что очень важно, сформулирована на языке, используемом в экспериментальной психологии.

Таким образом, можно констатировать, что в психотерапии сегодня реальной среди прочих является и схема А-взаимодействия, основанная на использовании локальных моделей механизмов. Эффективность ее результатов документирована соответствующими исследованиями и признана Американской психологической ассоциацией и другими авторитетными организациями.

В-взаимодействие

Если примеры А-взаимодействия легко найти в каждой серьезной психологической книге, то с В-взаимодействием дело обстоит гораздо сложнее. Это обстоятельство неслучайно,

поскольку в нашей стране исследование процесса психотерапии и ее результата развито весьма слабо. В то же время на Западе В-взаимодействие фундаментальной науки с психотерапией имеет долгую и драматичную историю.

Особенность психологической практики заключается в том, что не всегда удается объективно оценить ее результат, который субъективен в том смысле, что связан с изменением состояния субъекта. Кроме того, вокруг оценки результатов психологического воздействия существует много заинтересованных лиц. В первую очередь, заинтересованным выступает сам специалист-практик, профессиональная репутация которого находится в прямой зависимости от оценки результата его воздействия со всеми вытекающими последствиями. В результате для осуществления систематической оценки практического воздействия в психологии надо применять большие усилия, и при наличии групп людей, не заинтересованных в ее осуществлении, возникает естественный соблазн отказаться от столь трудного занятия.

В конце 1940–начале 1950-х годов Г. Айзенк в пылу борьбы с психоанализом и ниспровержения З. Фрейда в ряде статей утверждал, что психотерапия совершенно неэффективна (Eysenck, 1949, 1950). Наиболее аргументированно эта позиция была изложена в статье 1952 г., где суммированы литературные данные по 19 исследованиям, включающим порядка 700 кейсов. Г. Айзенк следующим образом подводит итоги анализа таблиц с цифрами, полученными в этих исследованиях: «Пациенты, которых лечили с помощью психоанализа, продемонстрировали улучшение в 44 % случаев; пациенты, которых лечили эклектическим методом, продемонстрировали улучшение в 64 % случаев; пациенты, которые только имели повседневный уход или лечились врачами-терапевтами, продемонстрировали улучшение в 72 % случаев. Таким образом, создается впечатление обратной зависимости между выздоровлением и психотерапией: чем больше психотерапии, тем меньше процент выздоровления»⁵ (Eysenck, 1952, p. 322).

И далее: «Не получено доказательств, что психотерапия, фрейдистская или какая-либо другая, облегчает выздоровление невротичного пациента. Данные показывают, что примерно две трети невротиков выздоровеют или существенно улучшат свое состояние в течение примерно двух лет с момента начала их болезни, получают они психотерапевтическую помощь или нет. Эти цифры оказываются удивительно постоянными от одного исследования к другому, независимо от типа пациентов, применяемых критериев выздоровления или используемого метода терапии. Для невротика эти данные оптимистичны, но они вряд ли могут быть названы подтверждающими утверждения психотерапевтов» (Eysenck, 1952, p. 323).

На убедительный ответ Г. Айзенку понадобились четверть века и продвижение в двух направлениях. С одной стороны, в течение этого времени были проведены несколько сот исследований процесса психотерапии, которые, однако, давали различные результаты: где-то ее благотворный эффект подтверждался, где-то нет. С другой стороны, для разрешения противоречий в результатах отдельных исследований был разработан новый статистический метод, нашедший впоследствии широкое применение как в психологии, так и за ее пределами – *мета-анализ*. Мета-анализ позволяет комбинировать результаты многих исследований, получая общую оценку размера эффектов не путем простого усреднения, как это делал Г. Айзенк, а более сложным и математически обоснованным способом, учитывая объем выборки и надежность исследования, фиксированные и случайные эффекты, публикационный сдвиг, промежуточные переменные и т. д. В 1977 г. М. Смит и Дж. Гласс опубликовали результаты мета-анализа 375 исследований, в котором была обоснована эффективность психотерапии (Smith, Glass, 1977). Примечательно, что сам Г. Айзенк не принял результатов этого исследования, назвав мета-анализ «упражнением в мега-глупости». В этом случае, к сожалению, один из наиболее известных психологов XX в. выступил противником нового метода, который впослед-

⁵ Здесь и далее перевод наш. – А. Ж., Д. У.

ствии бурно развивался и сегодня широко используется в психологии и за ее пределами, например, в медицине.

Из этих давно отшумевших на Западе (в нашей стране психоанализ в то время был не в чести) дебатов можно сделать ряд выводов.

Во-первых, по большому счету исследования психотерапевтического процесса ставили в то время на кон саму судьбу психотерапии. Если бы тогда оказалось, что Г. Айзенк прав, то вряд ли сегодня в университетах сохранились кафедры психотерапии, а психотерапевтическая практика, если бы и продолжила существование, то в относительно свернутом виде. Для современного исследователя дебаты тех времен – часть «памяти культуры», однако, оценивая взаимодействие теоретико-эмпирической науки и психологической практики, важно осознавать, что, не будь в середине XX в. эффективность психотерапии обоснована методом контролируемого и проверяемого научного исследования, то вряд ли в настоящее время она была бы много респектабельнее астрологии, к исследованию которой, кстати, Г. Айзенк тоже приложил свои усилия.

Во-вторых, эффект психотерапии в сравнении со спонтанно протекающими процессами выздоровления не настолько велик, чтобы его можно было бесспорно констатировать при помощи простейших средств. Даже достаточно солидная база, собранная Г. Айзенком к 1952 г. в сочетании с примененным им простым, но внешне логичным методом анализа данных оказались недостаточными.

В-третьих, из недостаточности элементарных средств следует необходимость разработки и применения более продвинутых методов как в области обработки данных (например, мета-анализ), так и планирования исследования (например, двойной слепой рандомизированный метод).

В-четвертых, научное сообщество должно изъявлять готовность принимать результаты, полученные контролируемыми и воспроизводимыми методами, даже если их результаты противоречат мнению заметной части представителей этого сообщества. Именно на этом пути, а не в огульном отрицании лежит возможность дальнейшего прогресса, в котором в конечном счете заинтересованы все стороны.

С тех пор исследования психотерапевтического процесса стали направляться на более тонкие вопросы. Прежде всего выявлены и продолжают выявляться предметы и методы терапии, которые оказываются эффективными, и те, которые оказываются неэффективными. В целом результат, зафиксированный М. Смит и Дж. Гласом, повторяется: терапия приводит к улучшению состояния пациента по сравнению с плацебо и тем более нахождением на листе ожидания. Это, однако, происходит не во всех случаях, некоторые принятые виды терапии не показывают эффективности в сравнении с контролем в отношении ряда расстройств. Так, например, выявлено, что и групповая, и индивидуальная когнитивная терапия неэффективна для лечения стресса, связанного с трудовой деятельностью (de Vente et al., 2008).

Далее можно сравнить между собой разные типы терапии в плане их эффективности в применении к одному и тому же типу расстройства. Это сравнение отнюдь не всегда подтверждает принимаемый порой в литературе за данность так называемый *парадокс эквивалентности*, состоящий в том, что эффективность всех видов психотерапии примерно одинакова (Калмыкова, Кэхеле, 2000; Хайгл-Эверс и др., 2001). Например, мета-анализ на основе 12 рандомизированных контролируемых испытаний с 754 пациентами показал большую эффективность ($d=0,54$) терапии алкоголизма в паре с супругом в сравнении с индивидуальной терапией (Powers et al., 2008). Другой мета-анализ показал, что в отношении панического расстройства когнитивно-бихевиоральная терапия работает эффективнее тренинга релаксации (Martin et al., 2000).

Нередко, впрочем, разные виды терапии оказываются равно эффективными. Например, для обсессивно-компульсивного расстройства одинаково эффективными оказываются контролируемая терапевтом и контролируемая пациентом экспозиция (Oppen et al., 2010).

Другие исследования сравнивают различные организационные формы терапии, такие как амбулаторный, дневной и полный стационары (Bartak et al., 2010; Bartak et al., 2011).

Есть исследования, сравнивающие эффективность психотерапии и медикаментозной терапии. В некоторых случаях психотерапия на фоне медикаментозной терапии выглядит весьма неплохо, в других случаях – проигрывает, как, например, в случае старческих тревожных расстройств (Schuurmans et al., 2009).

Эффективность психотерапии зависит далеко не только от метода, и это обстоятельство также нашло отражение в психотерапевтических исследованиях. Важную роль играют особенности пациента. Пример исследования этого обстоятельства: показано, что бихевиоральный тренинг родителей при терапии гиперактивности и дефицита внимания у детей эффективнее при наличии у матери определенных черт, а именно – высокой самооэффективности (Hoofdakker et al., 2009).

Примеры такого рода исследований легко дополнить.

Важную роль в успехе психотерапии играют личность психотерапевта и установившийся между психотерапевтом и клиентом психотерапевтический альянс. Дж. Норкросс приводит итоговые данные, обобщающие влияние различных факторов на успех психотерапии (Norcross J., электронный ресурс). Психотерапевтический метод (8 % объясненной дисперсии) оказался лишь чуть более важным фактором, чем индивидуальность психотерапевта (7 %), и менее важным, чем сложившиеся терапевтические отношения (10 %) и вклад пациента (25 %). Еще 5 % приходится на взаимодействие перечисленных факторов. Хотя необъясненная дисперсия составляет по этой оценке 45 %, все же можно констатировать, что в сфере психотерапевтических исследований проделана огромная работа, уже к настоящему моменту пролившая свет на ряд важных вопросов.

Можно констатировать, что В-данные в сфере психотерапии на сегодняшний день добываются в большем объеме, чем релевантные А-данные. Вместе с тем В-данные играют специфическую роль в прогрессе научного знания и практических технологий. Эти данные не столько эвристичны, сколько служат оценке и контролю того, что разработано практиками на основе их интуиции и озарений. Хотя функции объективной оценки и контроля чрезвычайно важны для здорового развития любой научной теории и практики, они не всегда вызывают добжелательное отношение у многих представителей профессионального сообщества.

Существует ограничение и на тип научного знания, к которому приводит опора на В-данные. Исследования процесса психотерапии обнаруживают факторы, которые влияют на протекание этого процесса, но не на его механизмы. В то же время несомненно, что эти исследования расширяют совокупность объективных методов, находящихся в распоряжении психологической науки.

Есть ли перспективы у исследований процесса психотерапии в плане производства нового знания? В этой связи примечателен подход К. Граве, который предлагает выделять в различных реально практикуемых видах психотерапии общие факторы, компоненты, которые и могут являться реально действующими, независимо от тех представлений, которые вложили их разработчики. Продуктивный характер этого анализа связан с тем, что психотерапевтическая практика рассматривается не как выражение гипотезы разработчика, а как объект, функционирование которого самому разработчику не вполне ясно. Приходящий со стороны исследователь предлагает собственную сетку понятий для анализа того, что происходит между терапевтом и его пациентом. Например, в процессе психотерапевтического взаимодействия может в большей или меньшей степени происходить «прояснение истинных чувств» пациента. Исследователь «оцифровывает» различные психотерапевтические случаи с точки зрения того,

в какой степени в них удалось достичь этого «прояснения истинных чувств», с тем, чтобы потом сопоставить с эффективностью воздействия.

Мы не имеем возможности давать здесь оценку успешности проекта К. Граве и др. Он сам полагает, что именно на подобном пути возможно превращение психотерапии из конфессии в профессию (Grawe et al., 1994). В то же время есть и весьма критические оценки (см., например: Притц, 1997). Здесь важно подчеркнуть, что исследования процесса психотерапии в принципе могут послужить чему-то большему, чем простая проверка эффективности, а именно выполнять эвристическую функцию в разработке новых подходов и методов. Для этого, однако, сам психотерапевтический процесс должен стать предметом теоретического анализа исследователя, выделяющего общие элементы, инварианты в различных подходах, а дальше сопоставляющего их путем статистического анализа данных, используя хорошо известные академическим психологам методы типа множественного регрессионного анализа.

Совокупность вопросов, возникающих, в частности, в связи с подходом Граве, – это пример *совместного движения теоретико-экспериментальной науки и практики*, в котором *они интегрируются, познавая человека*. Психологическая практика создает ситуации, в исследование которых включается теоретико-экспериментальная наука. Другой пример – исследование *методом анализа единичных случаев*, что у нас часто обозначают английским словосочетанием «case study». Это довольно известный метод, наиболее широко используемый в организационной и политической психологии. Возможно, именно на этом пути лежит главная возможность совершенствования В-взаимодействия в сфере психотерапии. В этом случае открывается принципиальная возможность исследовать в одном эксперименте не эффективность психотерапевтического алгоритма в целом, а воздействие его различных временных отрезков по отдельности, причем в связи с индивидуальными особенностями терапевта и пациента. Возможно также, что применение этого метода в сфере психотерапевтических исследований может дать толчок его развитию и применению в других областях психологии.

Доказательная психологическая практика

Важные для психотерапевтической практики события произошли, когда психотерапевтические исследования попали в контекст доказательной медицины (Evidence-Based Medicine, 1992), образовав так называемую доказательную психологическую практику. Под *доказательной медициной* понимается, согласно определению рабочей группы 1992 г., «подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются, исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, сравнению, обобщению и широкому распространению для использования в интересах больных» (Evidence-Based Medicine Working Group, 1992). Казалось бы, что в этом кардинально нового по сравнению с традиционным подходом к медицинской практике? Разве доказательства эффективности и безопасности не являлись всегда решающим аргументом для применения того или иного способа лечения? Необходимо, однако, принять во внимание, что традиционно рекомендации по выбору метода лечения, вошедшие в учебники медицины, во многом основывались на мнении авторитетных специалистов в соответствующих областях, а не на собранных в различных клиниках и статистически обоснованных доказательствах (Царенко, 2004). Доказательная медицина, таким образом, связана с перераспределением весов аргументации: уменьшается вес экспертного суждения и увеличивается – статистических доказательств, полученных в результате контролируемых экспериментов. Фактически происходит признание несовершенства экспертной оценки и ее частичное вытеснение (или дополнение) более объективированными методами (Журавлев, Ушаков, 2011в).

Тенденция к объективации, уменьшению по возможности субъективной роли экспертной оценки в принятии решений в целом должна быть признана прогрессивной по нескольким основаниям.

Во-первых, психологические исследования показывают подверженность экспертной оценки различным искажающим влияниям. Так, в известном эксперименте Чепменов было показано, что корреляции, меньшие, чем $r=0,6$, не воспринимаются клиницистами «на глаз», если у них нет предварительной гипотезы о присутствии этих корреляций. Более того, если предварительная гипотеза наличествует, то корреляции видятся даже там, где их нет или даже их знак отрицателен. Экспертное суждение, таким образом, весьма зависимо от предварительных установок клиницистов.

Во-вторых, эксперты могут иметь свои интересы в отношении оценки различных видов лечения. Искажения могут происходить по причине вольного или невольного завышения авторами или адептами научных школ результатов применения методов, принадлежащих самим авторам или выработанных в их школах.

В-третьих, даже если предположить наличие в научном сообществе идеальных экспертов, обладающих полной прозрачностью и объективностью оценок, все равно для признания их экспертного уровня научному сообществу необходимы объективные критерии оценки, которые можно было бы сравнить с оценками этих экспертов.

Собственно интенсивное развитие доказательных подходов в медицине началось после того, как была показана неэффективность ряда подходов к лечению, рекомендуемых на основе экспертного мнения. Эксперты вырабатывают заключение во многом на основании А-взаимодействия. В лечение закладывается логика, вытекающая из исследования процесса. Если становится известна причина болезнетворного явления, то поиск направляется на механизмы устранения этой причины. Запуск этого механизма и воспринимается как логичный способ лечения заболевания.

Вместе с тем очевидно, что доказательная медицина вызывает одобрение далеко не у всех медиков. Снижение роли экспертного мнения не доставляет особого удовольствия самим экспертам. Вынесение вердикта относительно успешности лечения становится процедурой, несущей значительно меньший личный творческий вклад. Медицинское познание превращается в гигантскую машину, стремящуюся к превращению специалистов в винтики механизма. Логика медицинского рассуждения уступает место процессу поиска необходимой информации.

Порой высказывается мнение, что доказательная медицина – метод давления бюрократов на медиков. Кроме того, доказательная медицина требует изменения работы практикующего врача. Становится необходимым отслеживать результаты многочисленных исследовательских работ, публикуемых в различных журналах, причем главным образом на английском языке.

Новые медицинские подходы не прошли бесследно для психологии. Психологическая практика в ряде западных стран достаточно быстро оказалась затронута доказательным движением. В результате психотерапевтические исследования получили второе дыхание. Надежность свидетельств исследований в пользу того или иного вида психотерапии стала восприниматься как существенно превышающая надежность экспертных оценок авторитетных психотерапевтов. Тот факт, что внутри психотерапии существует непрекращающаяся борьба школ, еще больше склоняет чашу весов в пользу идеи объективации методов оценки эффективности вида психотерапии.

Развитие доказательной практики имеет и организационные последствия. Так, Американская психологическая ассоциация создала по этой проблеме специальную комиссию, которая занялась выявлением видов терапии, эффективность которых может считаться доказанной научными исследованиями. При этом доказательность данных в пользу или против конкретного вида психотерапии была разделена на несколько уровней, на верхнем находятся множественные подтверждения эффективности с помощью рандомизированных контрольных

испытаний двойным слепым методом. В 1995 г. комиссия опубликовала список из 25 видов психотерапии, эффективность которых доказана. К 1998 г. список был расширен до 71 наименования. Многие финансирующие психотерапию организации на локальном, региональном и федеральном уровнях стали использовать этот список для ограничения финансирования теми видами терапии, которые оказались в списке (Levant, 2005).

Американская психологическая ассоциация вновь обратилась к проблеме *доказательной психологической практики*, создав новую комиссию. В ее докладе, в частности, было дано определение: доказательная психологическая практика – соединение высококачественных научных исследований с клиническим экспертным опытом в контексте особенностей, культуры и предпочтений пациента (Evidence-based practice in psychology, 2006).

Следует сказать, что проблематика доказательной психологической практики вызвала весьма эмоционально проходящие дебаты. Можно выделить несколько групп оснований, действующих как за, так и против этого подхода. В пользу доказательной практики работает следующее.

Во-первых, для административного регулирования и финансирования психологической практики важным элементом является оценка ее результатов. Правоохранительная система, законодательство, государственные органы, страховые организации спрашивают у врачей и психотерапевтов обоснования того, что их деятельность оптимальна. Поэтому доказательная практика оказывается привлекательной для администрирования. Так, североамериканский штат Орегон установил, что с 2007 г. 75 % услуг в области душевного здоровья и наркологии, оплачиваемых штатом, должны основываться на доказательной терапии.

Во-вторых, обратная связь является необходимым элементом работы по совершенствованию психологических и психотерапевтических техник. Без понимания того, насколько хороши или плохи результаты применения того или иного метода, невозможно рациональное совершенствование деятельности практикующего психолога или психотерапевта.

В-третьих, идея доказательной практики является привлекательной для клиентов, которые получают удостоверение надежности и обоснованности предлагаемых им услуг. Тем самым у психотерапевтов появляется возможность объявить, что практикуют доказательный метод.

В то же время многие практики относятся к доказательному подходу с большой настороженностью. В деятельности психолога-практика в разных сочетаниях присутствуют две стороны. Одна из них, наиболее творческая, связана с разработкой новых технологий психологической работы. Другая заключается в том, чтобы эти технологии использовать и реализовывать для пользы конкретному пациенту. Конечно, среди психотерапевтов есть те, кто внес своего больше, и те, кому это удалось меньше, но все же *творческий характер профессии* определяется тем, что у каждого есть потенциальная возможность своего вклада. Доказательная практика в тех формах, в каких она сейчас намечается, фактически вынуждает психотерапевтов быть исполнителями чужих технологий, допуская, возможно, и существование категории «инженеров», которым поручено эти технологии создавать и совершенствовать. Кроме того, между первыми и вторыми встают преподаватели и тренеры, которые тиражируют технологии, обучая практиков-исполнителей их использованию. Такая перспектива мало кого радует. Как пишет известный психотерапевт, «туда, где все ясно, приходят учиться те, кому важно, чтобы все было ясно, а если над ними еще и простерта длань обязательного, не ими выбранного супервизора и ему тоже все ясно... и если все „методики, техники и приемы“ описаны в методических рекомендациях, то, пожалуй, по сравнению с этим царством гармонии кабинет психотерапевта в районном ПНД советских времен еще покажется оазисом в пустыне» (Михайлова, 2006, с. 80).

В некоторых случаях психотерапевты, особенно западные, чувствуют себя финансово задетыми ограничениями, побуждающими к занятиям доказательной практикой. Порой выска-

зываются предположения, что доказательная психотерапия может быть использована как рычаг манипуляций со стороны компаний в отношении психотерапевтов.

Субъективные проблемы доказательной психологической практики дополняются объективными, на которые обращают внимание ее противники. Этому способствует и то обстоятельство, что психотерапевтические исследования стали развиваться намного позже психотерапии и являются еще достаточно молодой сферой исследований.

Возникает, например, законный вопрос, откуда придут новые технологии, если самостоятельное экспериментирование и отклонение от алгоритмов в работе с пациентом не приветствуется? В медицине эти технологии приходят из А-взаимодействия, затем проверяются на морских свинках или кроликах и лишь потом допускаются до применения на людях. А как быть психотерапии, А-взаимодействие в которой пока не достигло подобных высот, а отработка методов лечения словом на мышках вряд ли разумна?

Еще одна группа замечаний касается использования рандомизированных контрольных испытаний. Этот метод способен работать, если установлен четкий контроль над рядом параметров. Так, должен однозначно контролироваться тип расстройства для экспериментальной и контрольной групп. Отбор пациентов в группы предполагает типизацию расстройств, отклонение промежуточных и смешанных случаев, что затрудняет использование результатов на практике, где чистых случаев не так много.

В результате анализ смешанных и промежуточных случаев затрудняется. Для проведения исследования необходим также отбор, четко определенная группа пациентов. Психотерапевтический метод должен быть однозначно определен, а желательно – алгоритмизирован. Вариации метода трудно поддаются изучению. Выдвигается и такое соображение, что пациенты не определяются на психотерапию, связанную с исследованием, случайным образом, поэтому вопрос касается репрезентативности выборки.

Кроме того, для проведения исследований не так просто определить, что понимается под выздоровлением или улучшением состояния пациента. Для бихевиоральной психотерапии за улучшение состояния может быть принято исчезновение неадаптивного поведения (например, боязни пауков), для психоанализа – гармонизация отношений разных инстанций личности.

Дискуссии о подходе, основанном на оценке эффективности консультативной практики, начавшись на Западе, дошла и до отечественной психологии. Представляется, что хорошо отражает ситуацию в его противоречивости и полифоничности следующая цитата в цитате, где один известный российский специалист комментирует высказывание другого.

«Я бы согласился с мнением Ф. Е. Василюка (Василюк, 2003), что довольно нелепо требовать „объективных критериев“ в деле, вся суть которого „субъективна“⁶, если бы не несколько „но“...

Во-первых, за свою „субъективно неизмеримую работу“ психотерапевт хочет получать вполне измеримую объективную плату. Согласимся, что у страховой кассы или работодателя могут появиться основания для сомнения в качестве принципиально необъективируемого вида труда.

Во-вторых, я бы не абсолютизировал идею „субъективного улучшения“... можно, например, напомнить, что нарастание когнитивного дефицита часто приводит к снижению критичности и, как следствие, некоторой эйфории...

В-третьих... как никакой эффект магических ритуалов не может обосновать существование таких хронотопов, как демоны, злые силы и пр., так и никакой успех практикующего

⁶ Имеется в виду следующий фрагмент: «Искать [путь решения проблемы эффективности психотерапии] нужно не в старом тупике, где трудоемкими усилиями с помощью новейших компьютеров и изощренных статистических программ добывается нелепый с психотерапевтической точки зрения материал только потому, что он желателен для страховых касс и ответственных за психотерапию чиновников, требующих „объективных критериев“ в деле, вся суть которого, вся объективность которого – субъективна» (Василюк, 2003, с. 39).

психотерапевта не доказывает научной обоснованности теоретических постулатов, лежащих в основе используемой ими техники» (Тхостов, 2006, с. 107–108).

Подход А. Ш. Тхостова представляется весьма взвешенным. С одной стороны, нельзя отрицать, что попытка измерения столь тонкого явления, как эффект психотерапевтического воздействия, – весьма непростая задача. С другой стороны, как можно просить денег за то, эффект чего неясен.

Задача измерения социальных или психических феноменов в социологии и психологии очень нетривиальна, измерение эффекта психотерапии в этом контексте – далеко не самый сложный случай. Поэтому вопрос, вероятно, не в том, чтобы отрицать ее, а в том, чтобы совершенствовать наши способы измерения и оценки валидности существующих способов. Представляется, что об этом говорит и Василюк в обсуждаемом фрагменте. Однако все дело в расстановке акцентов, которая часто связана с реальной практикой психотерапевта и теми угрозами, которые заключены для них в распространении доказательных методов.

Вклад практики в развитие фундаментальной психологической науки

Поскольку мы использовали термины А- и В-*взаимодействие*, может возникнуть вопрос о том, в какой мере влияние фундаментальной науки и практики является действительно взаимным, а не односторонним. В отношении В-взаимодействия ответ на этот вопрос очевиден: используются данные, полученные в процессе практики, а их сбор и обработка осуществляются с помощью инструментов, относящихся к сфере науки. Таким образом, новое знание оказывается результатом взаимодействия двух сторон.

С А-взаимодействием дело обстоит несколько сложнее. С первого взгляда очевиден перенос моделей из экспериментальной науки в практику, но не ясно, получает ли наука взамен что-либо, кроме престижа, хотя и последнее обстоятельство отнюдь не маловажно. Более тщательный анализ, однако, показывает, что обратное направление – от практики к фундаментальной науке – чрезвычайно важно, так как существенно обогащает фундаментальную науку. Кратко остановимся на основных моментах.

Центральным направлением, в котором практика дает импульс теории, является образование прикладных областей психологии. Прикладные направления, подобно фундаментальным, применяют эксперимент и другие виды эмпирических исследований для обоснования теоретических моделей, занимаясь при этом установлением закономерностей в практически важных сферах действительности. Соответственно практика, наряду с фундаментальной наукой, выступает источником создания прикладных направлений психологии. Некоторые из них, подобно, например, инженерной или педагогической психологии, приобрели официальный статус (в нашей стране они являются специальностями, признанными ВАК для защиты диссертаций, и т. д.) и сыграли немалую роль в институционализации психологии как науки.

Богатство и разнообразие прикладных областей – условие успешного развития фундаментальной науки, поскольку этим создается возможность проверки общих принципов и моделей в разных эмпирических условиях. Этот процесс ясно виден в сфере, например, инженерной психологии, которая выступила точкой приложения информационного подхода, ставшего одной из центральных парадигм психологии. В сфере психотерапии, психологического консультирования и связанных с ними прикладных областей такое обратное влияние на фундаментальную психологию, пожалуй, назвать труднее. Перенос фрейдистских идей, как это было в случае «New look» и ряде других фундаментальных психологических теорий⁷, не только уже достаточно давно закончился, но и не был движением от практики к фундаментальной науке через прикладную, а скорее приводился механизмами общекультурного распростране-

⁷ Дж. Флейвелл, например, пишет о «флирте Ж. Пиаже с психоанализом».

ния идей. К тому же, как мы видели выше на примере Бека, прямая проверка психоаналитических идей экспериментальными методами приводит к неудаче. Тем не менее очевидно, что в общем случае практика через создание экспериментальных прикладных областей стимулирует рост фундаментальной науки.

У психологии есть дополнительная особенность, которая делает прикладные исследования специально важными для фундаментальных: связи ее объекта – психики человека – с социальными и культурными условиями его существования. Человек проявляется в контексте, который специфичен и не может быть зарегистрирован в лаборатории, помимо естественной среды. В этом плане практика позволяет осуществлять эту связь с естественной средой, вводить эту среду в качестве предмета в фундаментальные исследования. При этом взаимодействие экспериментальной науки и практики происходит в виде своего рода *циклов*. Нередко стартовым пунктом для разработки психодиагностических методик оказываются методики исследовательские, созданные для нужд психологического эксперимента. После их тщательной отработки в лабораториях, глубокого теоретического осмысления измеряемых ими характеристик выявляется их диагностический потенциал, что через соответствующую психометрическую «доработку» позволяет выпустить их в практику. Применение же в практике приводит к получению результатов, связанных с реальным местом измеряемых этим методом свойств в жизни, которые, так сказать, вторым «витком» вводят метод в сферу фундаментального анализа.

Этот же цикл жизни психодиагностического инструмента иногда начинается по-другому – в сфере практики. Методика создается сначала для решения практических проблем. Однако затем она теоретически осмысливается, вводится в лабораторный эксперимент и, получив новое звучание, возвращается в практику. Так или иначе, но *в сфере психодиагностики* ярко проявляется сотрудничество представителей фундаментальной науки и практики в глубоком постижении психологии человека.

Наконец, еще одна специфическая черта нашей науки состоит в том, что психологи нередко основывают свои теоретические построения на опыте повседневной жизни, а иногда и прямо признаются в этом (Sternberg, 2007). Профессиональная практика в какой-либо сфере означает постоянное обращение специалиста к соответствующему кругу проблем, что, безусловно, накладывает отпечаток на стиль теоретизирования. Ярким примером области, в которой теоретические идеи возникают из практического опыта, является психотерапия, причем от ее классических образцов до современных работ. Возникающие в процессе психотерапевтической практики теоретические идеи не всегда легко поддаются экспериментальной проверке, что не умаляет эвристической ценности этой практики для теории. Идеи, связанные с ходом психотерапевтического процесса, на сегодняшний день плохо моделируются экспериментом, однако условия его протекания, связанные как с ситуацией, так и с личностными факторами, вполне поддаются эмпирическому анализу.

Современные научные публикации организованы таким образом, что в них не отражены источники идей, научную общественность не интересует, как автор додумался до той или иной идеи, произошло ли это в ванне, как в случае Архимеда, или в саду под яблоней, как в случае Ньютона. Важно, что показывает проверка идеи. Однако для протекания процесса научного открытия это центральный момент.

Таким образом, во взаимодействии теоретико-экспериментальной науки с психологической практикой в выигрыше оказываются обе стороны. Психологическая практика получает от науки *новые методы, объективное обоснование эффективности* а также *систему научных ориентиров*, позволяющих направлять психологический процесс воздействия, хотя взаимодействие с клиентом, основанное на учете его индивидуальности и уникальности жизненной ситуации, в которой он находится, по-прежнему остается *искусством, мастерством*, приобретаемым в результате специального обучения и накопления практики работы и требующим профессиональных способностей и таланта. Фундаментальная наука, в свою очередь, получает

содержательную подпитку от психологической практики в виде *новых идей*. Необходимо отметить, что практика может получать эффективную поддержку от фундаментальной науки только в той степени, в какой последняя успешно развивается и способна решать крупные и принципиальные задачи. Следовательно, результативная и эффективная психологическая практика основывается на соответствующей поддержке фундаментальных исследований.

Заключительный диагноз: общие или специфически гуманитарные закономерности?

Итак, в целом проведенный анализ показывает, что разрыв экспериментальной психологической науки и практики не стоит абсолютизировать. Практика всегда во всех областях знания имеет определенную долю автономии от экспериментальной науки. В то же время взаимодействие различных областей психологии осуществляется по-разному: в некоторых из них модели, подтвержденные экспериментом, лежат в основе практических технологий, в других этого не происходит, однако и там экспериментально обоснованные знания так или иначе применимы на практике. Указанное обстоятельство не свидетельствует в пользу того, чтобы приписывать психологической практике специфические закономерности, противопоставляющие ее естественно-научной практике.

Проведенный анализ показывает, что многое в отношениях экспериментальной психологии и практики может быть понято в терминах А- и В-взаимодействий. Между тем эти понятия в равной мере могут быть отнесены к взаимоотношениям с практикой как естественных наук, так и психологии. Таким образом, мы вновь констатируем, что нет большой необходимости в специальной апелляции к особому статусу гуманитарного знания, чтобы понять связь психологической практики с экспериментальной наукой.

Более того, при анализе проблем, с которыми сталкивается психологическая практика при движении навстречу экспериментально обоснованной теории, мы не встречаем тех, что предсказаны психологическим конструктивизмом. Отдавая должное глубине анализа Розина, все же следует признать, что пока не видно оснований для радикального противопоставления природы психологической практики как гуманитарной тем практикам, которые связаны с естественными науками.

Таким образом, можно утверждать, что способы взаимодействия фундаментальной науки и практики в такой области психологии, как психотерапия, хотя и являются специфическими, тем не менее могут быть описаны в тех же схемах, что и в других областях, в том числе в естественно-научных. Как показывает предшествующий анализ, методологические принципы, предложенные Пономаревым, продолжают оставаться актуальными. Концепция типов научного знания Пономарева сложилась к 1980 г., задолго до того, как состояние дел в сфере соотношения фундаментальной психологии и психологической практики начало приобретать современные очертания. Нынешнее состояние позволяет их существенно обогатить. Это состояние может быть описано как оперирующее преимущественно *знаниями эмпирического типа*, т. е. локальными моделями отдельных процессов. Эти модели являются весьма эффективными регуляторами практики, которая относится к явлениям, релевантным по уровню этим локальным моделям, как это происходит, например, в инженерной психологии. Там, где необходимо охватывать процессы, относящиеся к уровню человеческой личности в целом, как это, например, нередко происходит при психотерапии, локальные модели оказываются существенно менее эффективными, что и приводит к констатации разрыва между экспериментальной психологией и психологической практикой.

Сегодня наработана и реально функционирует *схема взаимодействия*, при которой теоретико-экспериментальная наука, выявляя общие закономерности поведения людей в тех или иных сложных жизненных ситуациях и устанавливая детерминанты успешности их разреше-

ния, снабжает практиков конкретными знаниями о факторах, на которые необходимо воздействовать для повышения вероятности благоприятного исхода, возникновения наиболее типичных сценариев развития ситуации и т. д. Все это достигается путем эффективного применения локальных моделей, которые могут быть использованы квалифицированным клиницистом для выработки оптимальной линии психотерапевтической помощи. Теоретико-экспериментальная наука дает знания о факторах, определяющих успешность преодоления человеком тех или иных ситуаций. Такие знания должны быть преломлены консультантом через призму его понимания *психологического процесса воздействия* и, что принципиально, через призму понимания *индивидуальных особенностей* взаимодействующего с ним человека. Теоретико-экспериментальная наука разрабатывает схемы, которые ориентируют консультанта, снабжают его чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их эффективного действия. Но только *высокая квалификация* консультанта, его способность гибко применять схемы, а не оказываться у них в плену может обеспечить успешность многообразных процессов воздействия.

Что делать?

Теперь на основе произведенных констатаций необходимо перейти к самому сложному – обозначению желательных перспективных путей развития. В этом контексте, прежде всего, следует признать, что тот относительный разрыв, который наблюдается между некоторыми отраслями теоретико-экспериментальной психологии и практики, объективно является обстоятельством, тормозящим развитие и академической психологии, и практики. Это, безусловно, закономерный *этап развития* психологического знания, который, однако, связан не с имманентной и постоянной характеристикой нашей науки. Можно оценивать его как неизбежность. Однако вряд ли найдется кто-то из серьезных психологов, считающих этот разрыв благом, поэтому разумно стремиться к его преодолению, предлагая для этого различные программы. Сегодня возможны разные точки зрения на структурные причины нестыковок между фундаментальной психологией и практикой, однако состоят ли эти причины в господстве эмпирического типа знания или в чрезмерном акценте на естественно-научную составляющую психологии, дальнейшее прогрессивное развитие исследований обещает привести к сближению этих двух частей знания.

Представляется, что те схемы анализа, которые были предложены выше, позволяют наметить пути дальнейшего сближения академической науки и психологической практики как в более близкой, так и в отдаленной перспективе (Ушаков, Журавлев, 2012б). Речь может идти о совершенствовании как А-, так и В-взаимодействия.

Наиболее мощный толчок к развитию практика получает при эффективном А-взаимодействии, которое является обогащающим, хотя появление новых методов и сопровождающее его устаревание существующих может быть болезненным процессом. Таким образом, развитие этого вида взаимодействия открывает пути к существенному повышению «научаемости» психологической практики.

В развитии А-взаимодействия между теоретико-экспериментальной наукой и такими областями практики, как психотерапия, можно выделить программу-максимум и программу-минимум. Программа-максимум включает развитие фундаментальных исследований, при котором появляется возможность создания глобальной модели (или глобальных моделей) за счет расширения моделируемости ситуаций внутри единой теории. Программа-минимум состоит в развитии локальных моделей и увеличении их практической применимости.

Характерной особенностью психологии является то, что экспериментально моделируемы лишь отдельные ситуации, выявляющие некоторые особенности поведения человека из многих. Человек очень разнообразен, «широк», как говорил Ф. М. Достоевский. Отдельный экс-

перимент выявляет крайне малую сферу его поведения. В то же время гипотезы в психологии строятся так, чтобы их можно было проверить отдельным экспериментом. Тем самым складывается различие масштабов между теоретико-экспериментальными построениями и реальностями целостной человеческой личности. Например, модели когнитивной психологии, ее понятия, такие, как компоненты памяти, фильтры внимания, семантические сети, не могли бы возникнуть, не будь соответствующих средств моделирования, связанных с экспериментальными приемами типа прайминга. Эти средства моделирования задают алфавит теоретического языка, допускающего операционализацию в психологическом эксперименте. Этот язык осуществляет перевод на некоторые диалекты практики, но, к сожалению, плохо переводим на другие языки. Перечисленные выше когнитивные термины могут быть соотнесены с практикой инженерной психологии, для которой важны процессы переработки информации. Этим задается путь от эксперимента через теорию к практике для инженерной психологии. Однако этот язык менее соотносим с проблематикой психотерапии в таких ее проблемах, как жизненный путь личности, отношения клиента с терапевтом и т. д., хотя, учитывая работы Бека, нельзя говорить о полной несоотносимости.

Соответственно программа-максимум заключается в устранении того разрыва масштабов, о котором речь шла выше, на пути развития средств психологического моделирования. Чем же определяется тот факт, что в некоторых науках средства моделирования оказываются значительно более мощными, чем в других? Очевидно, здесь играют роль два фактора. Во-первых, очевидно, что развитие средств моделирования происходит тем легче и быстрее, чем относительно проще объект исследования. Если воспользоваться старым различием «уровней движения материи», то можно ожидать, что науки, имеющие дело с «нижележащими уровнями», будут быстрее формировать средства моделирования, чем науки, относящиеся к «вышележащим уровням». В соответствии с этими ожиданиями для физики классическое соотношение науки и практики намного более характерно, чем для психологии.

Во-вторых, принципиально важен фактор соотношения усилий, затраченных обществом на развитие фундаментальной науки, и запросов практики. Развитие средств моделирования, которое оказывается здесь ключевым моментом, входит в контекст фундаментальной науки и обычно в большей мере стимулируется собственной логикой развития науки, чем практическими запросами. Так, запрос на создание разрушительного оружия издавна сопутствует истории человеческих обществ. Однако лишь внутренняя логика исследований микромира привела к появлению возможности использования энергии атома для разрушительного взрыва, возможности, которая и была реализована для удовлетворения издавна существовавшей потребности. Более того, эта внутренняя логика исследования по большей части мало-предсказуема для внешнего наблюдения: можно вспомнить, что та самая ядерная физика, которая в 1940-х и 1950-х годах стала чуть ли не центральной из наук, еще в 1930-х критиковалась как практически бесполезная.

Следует отметить, что именно классическая модель, допускающая относительно точное прогнозирование следствий практических вмешательств и позволяющая на основании контролируемых данных аргументировать оптимальность тех или иных вариантов развития, является оптимальной для решения стратегических задач, возникающих перед обществом. Принятие государственных решений в оптимальном варианте должно осуществляться на основании знаний, существующих в отчужденной и в этом смысле объективной форме. Предсказание должно основываться на объективных, независимых от личностей основаниях. В противном случае увеличивается простор для субъективизма, чреватого негативными следствиями.

Неслучайно в этом плане, что именно инженерная психология, приведенная выше как пример реализации классической схемы, стала той областью, которая в 1960–1970-х годах привлекла внимание представителей государства к развитию психологической науки в нашей

стране (Журавлев, Ушаков, 2006). Неклассическая модель, включающая большую долю «личностного знания», оказывается насыщенной субъективными элементами.

Таким образом, программа-максимум представляет собой огромный проект, который обещает отдачу не только в сфере психотерапии, но и в других вопросах государственной важности. Однако это вопрос долгосрочной перспективы, который зависит во многом от вложения усилий в фундаментальную науку.

Тем не менее в среднесрочной перспективе можно ожидать существенного расширения взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии с практикой на основе проведения исследований, приводящих к разработке локальных моделей, и внедрения их в консультационную практику. Локальные модели механизмов и модели условий протекания процессов могут найти широкое применение в психологической практике и существенно повысить эффективность применяемых технологий.

В-взаимодействие для многих областей психологической практики представляет собой необходимое звено нормального существования, интенсивность развития которого иллюстрируют данные о бурном росте научных публикаций в этой сфере. Этот вид взаимодействия выполняет корректирующую функцию, которая состоит в том, чтобы показывать, какие методы имеет смысл практиковать, а какие – разрабатывать заново. Эксперимент включается в процесс оценки эффективности метода, что позволяет осуществить надежную обратную связь, свободную от субъективного мнения практикующего клинициста. Происходит вторичное сближение экспериментальной психологии и практики.

В то же время это сближение в настоящее время не обеспечивает того уровня поступления эвристических идей из теории в практику, как это наблюдается в тех областях, где происходит интенсивное А-взаимодействие. В-взаимодействие пока что не предлагает практике новых идей, не играет эвристической роли в разработке новых подходов, но оценивает сложившиеся. Более того, В-взаимодействие иногда приобретает крайние формы, в которых заключена опасность для творческой работы практиков.

В свете сказанного в развитии В-взаимодействия можно выделить ближние и дальние перспективы.

В близкое время в нашей стране (на Западе это уже в большой мере состоялось) неизбежно расширение использования в таких областях, как психотерапия, методов доказательной практики (получение практикующими специалистами информации об исследованиях через специализированные базы данных и прочие ресурсы, использование основных понятий доказательной практики, организация регистрации результатов собственной практики и т. д.). Хорошо, если удастся развернуть российские исследовательские программы, которые в той или иной форме будут интегрированы в мировые. Важно вовлечение практиков в исследовательскую работу. Возможен и такой сценарий, что государственными органами будут приниматься какие-либо административные решения по поводу установления списка принятых видов психотерапии.

Более дальняя, но неизбежная перспектива В-взаимодействия, как нам представляется, должна заключаться в совершенствовании методов. Это совершенствование должно происходить двояко – в плане как повышения информативности исследований, так и оптимизации работы практикующего специалиста.

Некоторые направления повышения информативности уже достаточно ясно просматриваются. Так, возможны исследования, основанные на анализе динамики эффектов воздействия у одного пациента, а не на сравнении групп. Разработаны и внедряются методы непрерывной оценки психотерапевтического прогресса. Это направление требует реального сотрудничества исследователей, владеющих современным аппаратом планирования исследований и статистической обработки данных, и практикующих психологов и психотерапевтов.

Повышение информативности означает также превращение исследований процесса психологической практики в инструмент генерации нового знания. Это очень важный момент, поскольку он означает не только приобретение В-взаимодействием чрезвычайно существенной эвристической функции, но и увеличение степени творчества практиков. Практики должны воспринимать науку как то, чем она является на самом деле – как сферу порождения новых моделей реальности, а не респектабельный метод засушивания творческих инициатив. О том, как возможно превращение В-взаимодействия в способ генерации нового знания, речь шла выше, однако вряд ли это составляет перспективу ближайших лет.

Наконец, представляется важным осуществлять такое переструктурирование практических подходов, которое позволит в более полной мере включать потенциал теоретико-эмпирической науки. Выше уже говорилось, что перенос акцента с терапии психологических расстройств на их профилактику позволяет в большой степени использовать практический потенциал моделей условий протекания процессов. От активности практиков в отношении научного знания, их изобретательности в плане возможности его применения зависит очень многое. Чтобы эффективно применять науку, практика должна искать в тех местах, где «потенциали», но при этом там, где «светло».

Кто все же должен двигаться к точке контакта – фундаментальные ученые или практики? Сейчас уже можно констатировать, что интерес есть с обеих сторон. Более того, в одном человеке может совмещаться фундаментальный ученый и практик: многие специалисты наряду с проведением теоретико-экспериментальной работы ведут практическую деятельность.

Необходимым фоном для сближения академической психологии и практики является институциональное сотрудничество между научными, учебными и консультативными организациями, профессиональными ассоциациями исследователей и практиков, в том числе выражающееся в издательских проектах, например, таких, как эта книга.

Литература

- Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ— Смысл, 2003.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Введение в издательскую серию «Научные школы ИП РАН» // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 9–18.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011а. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия // Вестник практической психологии образования. 2011б. № 2 (27). С. 15–20.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Вестник практической психологии образования. 2011 в. № 3 (28). С. 17–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теоретико-экспериментальная и практическая психологии: две разных парадигмы? // Парадигмы в психологии. Науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 158–177.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теоретико-экспериментальная психология и практика: встречный курс // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 9–71.
- Калмыкова Е. С., Кэхеле Х. Психотерапия как объект научного исследования // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000. С. 15–43.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Михайлова Е. Л. Напряжение в сети нормальное // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 77–81.

Падун М. А., Тарабрина Н. В. Когнитивно – личностные аспекты переживания травматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. С. 5–15.

Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980.

Притц А. Интервью с Алфредом Притцем // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2. С. 160–166.

Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Проблемы экономической психологии. Том 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Проблемы экономической психологии. Том 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Психология человека и общества: научно-практические направления / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Розин В. М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.

Розин В. М., Розин М. В. О психологии и не только о ней // Знание-сила. 1993. № 4.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Тхостов А. Ш. Психотерапевт и его магия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 103–109.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы двенадцатой международной научно-теоретической конференции. Иркутск, 2011а. С. 32–38.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Практична ли фундаментальная психология? // Знание. Понимание. Умение. 2011б. № 2. С. 42–49.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Фундаментальная психология и психологическая практика: состояние и перспективы взаимодействия // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2011 в. № 3–1. С. 13–18.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Фундаментальная психология: пути к практике // Наука. Культура. Общество. 2011 г. № 4. С. 21–32.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012а. Т. 33 № 2. С. 127–132.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Фундаментальная психология и психологическая практика: состояние и перспективы взаимодействия //

Арзамасские чтения-2. Основные направления развития отечественной и зарубежной психологии. Материалы Всероссийского методологического семинара. М., 2012б. С. 6–16.

Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Омм Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа – Речь, 2001.

Царенко С. В. Нейрореаниматология. Интенсивная терапия черепно-мозговой травмы. М.: Медицина, 2004.

Aaron T. Beck. URL: http://en.wikipedia.org/Aaron_T._Beck#cite_note-12 (дата обращения: 5.08.2015).

Bartak A., Andrea H., Spreeuwenberg M., Ziegler U., Dekker J., Rossum B., Hamers E., Scholte W., Aerts J., Busschbach J., Verheul R., Stijnen T., Emmelkamp P. Effectiveness of outpatient, day hospital, and inpatient psychotherapeutic treatment for patients with cluster B personality disorders // Psychother. Psychosom. 2011. V. 80 (1). P. 28–38.

Bartak A., Spreeuwenberg M., Andrea H., Holleman L., Rijnierse P., Rossum B., Hamers E., Meerman A., Aerts J., Busschbach J., Verheul R., Stijnen T., Emmelkamp P. Effectiveness of different modalities of psychotherapeutic treatment for patients with cluster C personality disorders: results of a large prospective multicentre study // Psychother. Psychosom. 2010. V. 79 (1). P. 20–30.

Clark D. A., Beck A. T. Cognitive therapy of anxiety disorders: Science and practice. Guilford Press, 2010.

de Vente W., Kamphuis J., Emmelkamp P., Blonk R. Individual and group cognitive-behavioral treatment for work-related stress complaints and sickness absence: a randomized controlled trial // J. Occup Health Psychol. 2008. V. 13 (3). P. 214–231.

Evidence-Based Medicine Working Group. Evidence-based medicine. A new approach to teaching the practice of medicine // Journal of the American Medical Association. 1992. V. 268. P. 2420–2425.

Evidence-based practice in psychology // American Psychologist. 2006. V. 61. № 4. P. 271–285.

Eysenck H. J. Training in clinical psychology: an English point of view // American Psychologist. 1949. V. 4. P. 173–176.

Eysenck H. J. Function and training of the clinical psychologist // Journal of mental Science. 1950. V. 96. P. 1–16.

Eysenck H. J. The Effects of Psychotherapy: An Evaluation // Journal of Consulting Psychology. 1952. V. 16. P. 319–324.

Grawe K., Donati R., Bernauer F. Psychoterapie im Wandel – Von Der Konfession zur Profession. Hogrefe, Goettingen, 1994.

Hoofdakker B. van den, Nauta M., Veen-Mulders L. van der, Sytema S., Emmelkamp P., Minderaa R., Hoekstra P. Behavioral Parent Training as an Adjunct to Routine Care in Children with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder: Moderators of Treatment Response // J. Pediatr. Psychol. 2009. V. 35 (3).

Levant R. F. Evidence-based practice in psychology // Monitor on Psychology. 2005. 36 (2). P. 5.

Martin D. J., Garske J. P., Davis M. K. Relation of the therapeutic alliance with outcome and other variables: A metaanalytic review // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2000. V. 68. P. 438–450.

Norcross J. URL: http://www.slidefinder.net/p/psychotherapy_relation-ships_evidence_based/practices/1925845 (дата обращения: 15. 06.2015).

Oppen P., Balkom A., Smit J., Schuurmans J., Dyck R. van, Emmelkamp P. Does the therapy manual or the therapist matter most in treatment of obsessive – compulsive disorder? A randomized controlled trial of exposure with response or ritual prevention in 118 patients // *J. Clin. Psychiatry*. 2010. V. 71 (9). P. 1158–1167.

Powers M., Vedel E., Emmelkamp P. Behavioral couples therapy (BCT) for alcohol and drug use disorders: a meta-analysis // *Clinical Psychological Review*. 2008. V. 28 (6). P. 952–962.

Schuurmans J., Comijs H., Emmelkamp P., Weijnen I., Hout M. van den, Dyck R. van. Long-term effectiveness and prediction of treatment outcome in cognitive behavioral therapy and sertraline for late-life anxiety disorders // *Int. Psychogeriaty*. 2009. V. 21 (6). P. 1148–1159.

Smith M., Glass G. Meta-analysis of psychotherapy outcome studies // *American Psychologist*. 1977. V. 32. P. 752–760.

Sternberg R. J. *Wisdom, Intelligence, and Creativity Synthesized*. New York: Cambridge University Press, 2007.

А. В. Юревич

Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии

Расширение или сокращение «схизиса»?

Прошло почти 20 лет с тех пор, как один из наиболее известных представителей отечественной исследовательской и практической психологии Ф. Е. Василюк охарактеризовал взаимоотношения между ними как «схизис», подчеркнув, что «психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (Василюк, 1996, с. 26). Ранее Р. Ван дер Влейст сетовал на то, что исследовательская и практическая психология используют разные «языки», «единицы» анализа и «логики» его построения (Van der Vleist, 1982). А еще раньше озабоченность взаимоотношениями исследовательской и практической психологии выражали Л. С. Выготский (Выготский, 1982) и другие классики психологической науки, причем под каждым их словом наверняка подписался бы любой современный психолог, и не потому, что они – классики, а потому, что с тех пор вроде бы ничто не изменилось.

В конце истекшего столетия регулярно констатировались не только сохранение, но и возрастание разрыва, причем, по мнению ряда авторов, оно было связано с тем, что психологическая практика активно впитывала методологию и культуру постмодернизма, в то время как академическая психология не освободилась от влияния позитивизма. Например, Д. Полкинхорн выделял такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, неопрагматизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависимого от контекста. Он подчеркивал, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, правда, признав, что «близкие к практике» психологи-исследователи тоже преуспевают в ее освоении и распространении, и констатируя появление в психологическом сообществе нового «слоя», служащего связующим звеном между двумя его полярностями – «чистыми» практиками и «чистыми» исследователями (Polkinhorne, 1994). Л. Сасс уловил в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымышленность, акцентировав их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии⁸ (Sass, 1994). А К. Герген отметил, что в отличие от академической психологии современная психологическая практика развивается в русле постмодернистской мысли, имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контекстуальных смыслах человеческой деятельности. В результате, по его мнению, теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, а психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте психолога (Gergen, 1994).

⁸ При этом Л. Сасс полагал, что релятивизм и фикционализм постмодернизма способны нанести вред терапевтической практике (Sass, 1994).

На взаимоотношениях исследовательской и практической психологии сказывается изменение количественных пропорций между ними. Так, М. Розенцвейг констатирует, что интернациональной чертой, проявляющейся в мировой психологии с 1950-х годов, является стремительный прогресс практической психологии⁹ на фоне замедления в развитии традиционных, академических областей исследования. Розенцвейг показывает интернациональный характер этой тенденции, проследив ее в таких странах, как США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия, Португалия, Испания, Норвегия, Аргентина, Бразилия, Куба, Турция, Индия, Мексика, ЮАР и др. (Rosenzweig, 1992). При этом он продемонстрировал, что в индустриальных странах динамика численности академических психологов в последние десятилетия выглядит как «плато», в то время как численность психологов-практиков нарастает по экспоненте (Ibid.). А В. Секстон и Дж. Хоган выражают опасение: подобная тенденция может привести к тому, что в конце концов мы будем иметь «психологию без науки» (Sexton, Hogan, 1992, p. 476).

Быстрое возрастание количества психологов-практиков на фоне стабилизации численности академических психологов¹⁰ обостряет и без того непростые отношения между ними, а в некоторых странах приводит и к расколу психологических ассоциаций (Rosenzweig, 1992). На подобные проблемы накладываются сложности, обусловленные спецификой практической психологии в разных странах. Например, в нашей стране психологическая практика страдает неупорядоченностью, отсутствием лицензирования и сертифицирования, переполнена сомнительными личностями, не имеющими психологического образования. А В. Б. Хозиев отмечает, что в отличие от академической психологии «значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре» (Хозиев, 2007, с. 190). «Теневой» характер этой ниши дополняется тем, что «невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия в виде описаний «консультативных случаев» в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии» (там же, с. 190).

В то же время при всех расхождениях между академической и практической психологией можно разглядеть и некоторые тенденции к их сближению. К примеру, признание значимости «единичных случаев» и изучение уникальных жизненных ситуаций, в котором обычно видится одна из главных особенностей практической психологии, отличающая ее от психологии исследовательской, можно обнаружить и в ряде установок последней. Скажем, Л. С. Выготский стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» (Выготский, 1982, с. 405), при этом констатируя, что «засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии» (там же, с. 402). А в современной исследовательской психологии метод анализа конкретных случаев (case studies) и сопутствующий его применению качественный анализ получают все большее распространение¹¹.

Можно разглядеть и встречный вектор – погружение сюжетов, традиционно изучавшихся в контексте исследовательской психологии, в практический контекст со всеми сопутствующими этому изменениям самим сюжетов. Например, Дж. Шоттер отмечает тенденцию к изучению таких традиционных тем когнитивной психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики, а также доминирование

⁹ Приведем лишь один впечатляющий показатель: за последние 15 лет в США в группах встреч, организуемых психологами, приняли участие 5000000 (!) человек (Ялом, 2010).

¹⁰ Отметим, что аналогичная тенденция характерна для всех наук. Как отмечает Б. И. Пружинин, в течение всего XX столетия удельный вес прикладного исследования нарастал, а доля чистой науки сокращалась (Пружинин, 2008). Но особенно отчетливо эта тенденция проявляется в последнее время.

¹¹ То же самое происходит в социологии и в других смежных с психологией науках.

при их изучении опыта повседневной жизни над теоретическими знаниями (Shotter, 1994). В качестве формы сближения исследовательской и практической психологии можно трактовать и тот очень характерный для современной России факт, что многие психологи, занимающиеся психологической практикой в различных организациях, «без отрыва от производства» пишут диссертации, которые оформляются в соответствии с канонами академической психологии, а необходимый для этого материал набирают в процессе своей практической деятельности. В результате традиционное разделение *исследовательской* и практической психологии во многом утрачивает смысл, поскольку практическая психология тоже имеет исследовательскую составляющую, что, впрочем, не означает, что стираются ее базовые отличия от академической психологии как не просто исследовательской, а *фундаментальной* науки.

Наметились и другие направления сближения. Например, *теории*, ставшие одним из символов академической психологии, и традиционно отвергаемые практической психологией как чрезмерно «академические», сейчас тоже адаптируются к потребностям практики. В частности, на психологических конференциях, в особенности на «научно-практических», которые сами по себе стали знаковым явлением, знаменуя стремление объединить психологическую науку и практику, «большие» психологические теории упоминаются довольно редко, однако активно эксплуатируются «малые» теории и теории «среднего ранга», позволяющие упорядочить ту или иную сферу реальности. Нередко подобные теории, которые Т. В. Корнилова называет «особыми практико-ориентированными теориями» (Корнилова, 2007), и рождаются в процессе практической деятельности психологов, стремящихся не только воздействовать на эту реальность, но и осмыслить ее. В качестве «академической» формы деятельности практических психологов можно рассматривать и осуществляемый ими *методологический анализ* психологической практики, явившийся естественной реакцией на ее разрастание и усложнение (Вачков, 2003; Карицкий, 2003; и др.). А И. Ялом подчеркивает, что «Психотерапия – это наука, а не искусство» (Ялом, 2010, с. 568), «Без исследовательской ориентации, позволяющей оценить новые пути развития, практикующий терапевт оказывается в трудном положении» (там же, с. 567). При этом, правда, И. Ялом признает, что «природа наших данных настолько субъективна, что это во многом делает научную методологию неприменимой» (там же, с. 81).

Таким образом, исследовательская психология постепенно осваивает направления деятельности, традиционно характерные для практической психологии, а практическая психология – характерные для исследовательской, что неизбежно порождает их когнитивное сближение. Но, пожалуй, еще более заметно «наведение мостов» между ними в *социальной* плоскости, т. е. сближение соответствующих страт психологического сообщества. Во-первых, в этом сообществе всегда существовали его представители, подобные цитировавшемуся выше Ф. Е. Василюку, которые сочетали успешные занятия и академической, и практической психологией, при этом зная и фамилии директоров академических институтов (которых, кстати, совсем немного), и «звезд» психологической практики, к числу которых сами и принадлежали, так что социальный «схизис» между двумя видами психологии всегда носил относительный характер. Во-вторых, в начале 1990-х годов, когда на зарплату академических психологов нельзя было прожить (в дальнейшем ситуация улучшилась, но не принципиально), начался их массовый отток в практику, а еще более характерной стала их двойная занятость, сочетание хорошо вознаграждаемых занятий практикой с принадлежностью к академическим и образовательным учреждениям. В результате и в нашей стране разрастался тот слой «близких к практике» исследователей, о которых пишет Д. Полкинхорн (Polkinhorne, 1994), а также, наоборот, «близких к исследованиям» практиков.

В то же время, если не «схизис», то, употребляя другой термин Ф. Е. Василюка, «диссоциация» между исследовательской и практической психологией по-прежнему сохраняется. Сообщества психологов-исследователей и психологов-практиков, хотя во многом и пересека-

ются, в своей основной части достаточно далеки друг от друга. А, главное, практическая психология по-прежнему опирается преимущественно не на то знание, которое генерирует исследовательская психология, использует иной терминологический аппарат, свои объяснительные принципы и т. п. Разобщенность «двух психологий» сохраняется как в когнитивном, относящемся к психологическому знанию, так и в социальном, выражающем состояние психологических сообществ, ракурсах, и пока трудно уловить какие-либо тенденции к радикальному изменению ситуации. При этом наблюдаются рассогласования между ними и в образовательной сфере. Например, выпускники психологических вузов вынуждены в силу существующих образовательных стандартов писать дипломы, представляющие собой мини-диссертации, построенные в соответствии с классическими стандартами академической науки (обзор исследований проблемы, гипотезы, эмпирическое исследование, статистический анализ полученных данных и т. д.) и тестирующие их способность заниматься академической наукой, в то время как подавляющая их часть идет в практику и заниматься наукой никогда не будет. А многие из них, получив классическое психологическое образование, затем направляются получать второе образование в учреждения, «доучивающие» в области практической психологии.

Подобная ситуация вызывает неудовлетворенность обеих сторон, причем наиболее заметно ее проявляют представители практической психологии, систематически обвиняющие психологов-исследователей в том, что вырабатываемое ими знание в основном носит «бумажный» характер – научные статьи, книги, диссертации, – и мало полезно или вообще бесполезно для практики. Против этого трудно возразить, поскольку, скажем, главный продукт эмпирических исследований в психологии – коэффициенты корреляций между изучаемыми переменными – действительно очень далек от того, что востребовано практическими психологами. Х. Куликан, например, задается вопросом: «Если мы проводим исследование, предполагающее хорошо контролируемые процедуры и точные, количественно определяемые переменные, что рекомендовано в подавляющем большинстве учебников, не получаем ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?» (Coolican, 1998, p. 170). Данное обстоятельство отмечалось также Р. Харре (Harre, 1981) и многими другими авторами. А М. Бунге констатировал, что «предельная точность, являющаяся целью научного исследования, в большинстве случаев оказывается бессмысленной или даже мешает при практической деятельности» (Bunge, 1967, p. 335).

Фундаментальные исследования и практика

В то же время уместен вопрос о том, какими должны быть взаимоотношения между практической и академической психологией *в идеале*, который, как и всякий идеал, в реальности недостижим, но может задавать полезные ориентиры. При этом целесообразно сразу же вынести за скобки вопрос о том, кто – «гора», а кто – «Магомед» и в каком направлении должно строиться взаимодействие между исследовательской и практической психологией: должны ли психологи-практики читать академические журналы, посещать академические конференции, чего они в своем большинстве не делают, и впитывать в практику то знание, которое вырабатывает исследовательская психология, или, наоборот, психологи-исследователи должны быть более чувствительны к запросам психологической практики и производить знание в соответствии с ними. Во втором случае уместно вспомнить Г. П. Щедровицкого, который еще в начале 1980-х годов писал: «Мы уже не можем дальше играть в игру развития научной техники. Теперь требуется другое: вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику, чтобы научное исследование было замкнуто с соответствующей техникой и чтобы исследование, техника и практика были завязаны между собой в более сложные организмы» (Щедровицкий, 2007, с. 140).

Наверное, у каждого психолога, озабоченного проблемой взаимоотношения «двух психологий» имеются и свои представления о его идеальной модели. При всем разнообразии этих представлений они, как и многое в психологии, формируются на основе видения психологами ситуации в «благополучных» естественных науках. Например, представления о том, что физики вырабатывают некоторое знание, с помощью которого изобретаются автомобили, самолеты, телевизоры и холодильники, биологи открывают законы, на основе которых медики лечат своих пациентов, открытия химиков тут же ложатся в основу пластмасс и других полимеров и т. п. Но так ли это в действительности, не подменяется ли реальная картина происходящего в естественных науках упрощенными бытовыми представлениями о нем?

Известный социолог науки М. Малки пишет: «Если мы обратимся к релевантным эмпирическим данным, то обнаружим мало указаний на существование явной или тесной связи между фундаментальными научными исследованиями и большей частью технологических разработок» (Малки, 2010, с. 99), считая «проблематичной упрощенную точку зрения, согласно которой передовая технология индустриальных обществ является непосредственным продуктом растущего корпуса фундаментального научного знания» (там же, с. 102). Это выражается, в частности, в минимальном количестве перекрестных ссылок и различии паттернов внутреннего цитирования в научной и технологической литературе: «Насколько можно судить по результатам анализа цитирования, наука обращается к предшествующей науке, а технология – к предшествующей технологии» (там же, с. 100).

Очень поучителен имеющийся опыт анализа взаимодействия фундаментальной науки и разработки прикладных технологий. Так, в начале 1960-х годов под эгидой Консультативного совета по материалам Национальной академии наук США был проведен ряд исследований последних инноваций в области материалов. Эти исследования показали, что *во всех* рассмотренных случаях инновации не были следствием достижений фундаментальной науки, а непосредственно «вытекали» из предшествующей технологической деятельности (Materials..., 1966). Аналогичные выводы были сделаны инициаторами исследования 84 технологических инноваций, удостоенных в Великобритании Королевской премии: «Мы обращали особое внимание на связь фундаментальной науки с инновацией... То, что нам удалось обнаружить лишь незначительное количество случаев такой связи, тем более удивительно, что мы специально ее искали» (Langrish et al., 1972, p. xii). А Е. Лейтон, обобщивший результаты подобных исследований, пришел к выводу о том, что «прежняя точка зрения, согласно которой фундаментальная наука производит все знание, затем использующееся в технологических разработках, явно не способствует пониманию современной технологии» (Lay-ton, 1978, p. 210).

Исследователи данной проблемы подчеркивают, что взаимодействие фундаментальной науки с практикой строится в соответствии с так называемым принципом «воплощения». Он состоит в том, что новое научное знание «воплощается» в определенной процедуре или некотором устройстве вроде транзистора, которое в дальнейшем используется при производстве новой техники, а ее последующие поколения вырастают не из исходного научного знания, а из внутренней логики развития техники (Малки, 2010). Из науки в практику переносится некоторая фундаментальная идея, которая обретает там свою новую жизнь и развивается в соответствии с запросами самой практики. Много аналогий подобной ситуации можно обнаружить и в психологии. При этом «Всякий раз как фундаментальная наука используется в качестве основания для технологической науки, она требует значительного переформулирования» (там же, с. 102), так что «расхождение языков» академической и практической психологии тоже представляет собой вполне естественное и не специфическое для этой науки явление.

М. Малки идет еще дальше, на ряде примеров показывая, что связь современной технологии не только с фундаментальной, но даже с *прикладной* наукой, а, стало быть, и с наукой вообще отнюдь не простая. Он пишет: «Даже если мы на время оставим в стороне фундаментальную науку и сосредоточимся на вкладе в технологию прикладной науки, все же представ-

ляется сомнительным, что большая часть современной технологии вытекает более или менее непосредственным образом из научного знания» (там же, с. 103). Если бы «схизиса», который так удручает психологов, скажем, сообщества физиков-фундаментальщиков с сообществами конструкторов самолетов, автомобилей, компьютеров не существовало, если бы «фундаментальщики» попутно усовершенствовали все это, а техники параллельно занимались фундаментальной наукой, это выглядело бы очень странно и не пошло бы на пользу ни тем, ни другим. Подобное часто случалось во времена Архимеда или формирования науки Нового времени, но сейчас если и происходит, то в виде исключений из общего правила, диктуемого элементарным *разделением труда*.

На описанную ситуацию, демонстрирующую неадекватность ожиданий в отношении фундаментальной науки, накладывается их особый характер в нашей стране. «У нас вечно путают чистую науку с прикладной» (цит. по: Пружинин, 2008, с. 113), – писал П. Л. Капица в те годы, когда в нашей стране науку еще чтит и уважали. В частности, академических психологов часто обвиняют в том, что, имея ученые степени и звания, они не способны решать практические проблемы. Это примерно то же, что требовать от биолога умения удалять аппендицит или от физика – чинить телевизоры и холодильники. Подобные неадекватные ожидания предъявляются и к представителям других социогуманитарных наук, в связи с чем социолог М. Задорин подчеркивает: «Строго говоря, настоящий служитель науки никому, кроме Бога и Истины, ничего не должен. Чего, конечно, нельзя сказать о социологе-прикладнике» (Задорин, 2007, с. 69).

Еще одно обстоятельство, связанное с подобным кругом проблем и тоже опровергающее распространенный в психологическом сообществе стереотип, состоит в том, что практика вовсе не обязательно является критерием истины, а *практическая эффективность представлений, генерируемых практическими психологами, не служит подтверждением их адекватности*. М. Малки отмечает: «При рассмотрении тех практических применений, которые действительно вытекают из научных исследований, важно помнить о том, что большая часть (если не все) систем знания дала успешные практические применения – даже такие системы, как вавилонская мифологическая астрономия, общие принципы которой мы теперь считаем явно ложными» (Малки, 2010, с. 103). Здесь уместно провести аналогию с психоанализом. «Явно ложной» эту систему взглядов в психологии не считают, но нередко характеризуют как набор «психотерапевтических мифов» (Петренко, 2007), подчеркивают, что «Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор» (Аллахвердов, 2007, с. 191). При этом и сами психоаналитики признают, что «Супер-эго, Ид, Эго, архетипы, маскулинный протест, эго-состояния родителя, ребенка и взрослого – ни одна из этих реалий не существует; все они фикции, все представляют собой психологические конструкции, созданные для нашего семантического комфорта. Они оправдывают свое существование только достоинством объяснительной силы», «все они основываются на воображаемых „как будто“-структурах» (Ялом, 2010, с. 179)¹². Не пытаясь выстроить аналогию между психоанализом и эзотерикой, все же отметим, что для последней характерно очень похожее отношение к истине: «Если астрологическое, шаманское или магическое объяснение усиливает ощу-

¹² Очень показательна и полная произвольность психоаналитических интерпретаций сновидений. Приведем лишь один пример: «Последующие несколько ночей Джинни провела, мучаясь ужасными кошмарами: 1) ее рот окрашивался кровью (появление которой связано со страхом вербальной агрессии, причиной этому послужили мироразрушающие фантазии); 2) во время прогулки по пляжу она была смыта огромной волной (страх утратить в группе свою индивидуальность); 3) ее схватили и удерживали несколько мужчин, в то время как терапевт делал операцию на ее мозге; его руками, однако, управляли державшие ее люди (несомненно, указывает на боязнь терапии и терапевта, подавляемого членами группы)» (Ялом, 2010, с. 457). Подобные интерпретации для психологов, не разделяющих позиции психоанализа, действительно выглядят как кошмар. Они изрядно напоминают убежденность современных российских эзотериков, например, в том, что если человеку приснится В. В. Путин, это – к удачному браку. Почему – совершенно непонятно, но это и неважно, главное – чтобы приснился.

щение власти и ведет к внутренним личностным изменениям, это объяснение имеет право на существование» (там же, с. 180).

Вместе с тем психологическая концепция, имеющая в практической психологии наиболее широкое применение, это, несомненно, психоанализ, а эффективность основанной на нем психологической практики рассматривается как свидетельство его адекватности *в качестве теории*. Рассматривая подобные случаи, М. Бунге приходит к симптоматичному выводу: «Теории, являются ли они научными или технологическими, сущностными или операционными, проверяются в лаборатории, а не на поле боя, в кабинете врача или на рынке» (Bunge, 1967, p. 336). Что одновременно звучит и как антитеза кондовому марксизму: практика *не* является критерием истины. Отсюда же можно вывести и ответ на броский тезис Ф. Е. Василюка о том, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики», в свою очередь сформулированный как антитеза догмату советских времен: «Нет ничего практичнее хорошей теории». С этим можно согласиться, да и то с оговорками (думается, что хорошая теория все же «теоретичнее» хорошей практики), только в том случае, если онтологическая достоверность теорий не особенно важна.

Социальная и практическая релевантность

Уместен и вопрос о том, что вообще представляет собой практика применительно к психологической науке, какова область практических приложений этой дисциплины? Естественно, проще всего на него ответить, указав, что это и есть практическая психология в ее нынешнем виде, и то, чем она занимается, охватывает *всю* область практического применения психологии. Но так ли это?

Б. Адам и Ю. Ван Лун выделяют три основные функции социальных теорий: 1) социальная инженерия – участие в социальном конструировании порядка и контроля; 2) осмысление, прояснение и объяснение происходящего в обществе; 3) политическая мобилизация – создание основы для политических действий масс (Adam, Loon Van, 2000). Отметим, что подобное представление о роли социальных теорий существенно отличается от их типового восприятия психологами, особенно отечественными, как предназначенных для выполнения преимущественно *когнитивных, а не социальных функций*: объяснения и обобщения эмпирических данных, создания концептуальной основы для эмпирических исследований и т. д.¹³ Но можно ли утверждать, что, например, психоанализ – не только как практика, но и как *теория*, который иногда характеризуется как «новая религия современного западного общества» (Беккер, Босков, 1961), и теперь уже не только западного, выполнял и выполняет только когнитивные функции? Подчеркнем и то, что, во-первых, представления Б. Адама и Ю. Ван Луна о социальных функциях научных теорий могут быть как расширены, так и скорректированы в отношении психологии¹⁴, во-вторых, распространены не только на теории, но и на другие виды знания.

С. Московичи, с именем которого принято связывать тезис о том, что психология должна быть *социально релевантной* наукой, понимал под ее социальной релевантностью гораздо большее, нежели активную вовлеченность в практику (Moscovici, 1972). Социальную релевантность психологии он отождествлял с ее активным участием в решении важнейших *социальных проблем*, таких как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнение ею *мировоззренческой функции* – выработку и трансляцию в массовое сознание образов общества и происходящего в нем (Idid.). При этом, несмотря на то,

¹³ В то же время существуют и исключения из этого правила. Например, А. Бандура писал: «О ценности теории можно в конечном итоге судить по ее полезности, которая доказывается результативностью методов воздействия на психологические изменения» (Bandura, 1986, p. 4).

¹⁴ В частности, третья функция более характерна для политически релевантных теорий, но на ее месте в контексте психологии возникают другие, не менее существенные функции.

что, по словам Г. Башляра, «психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику, которой занимаются все» (цит. по: Визгин, 1990, с. 42), Московичи характеризовал уровень социальной релевантности психологии как довольно низкий.

Показательны и другие подобные идеи известных ученых. А. Бандура подчеркивал, что психологическая наука должна участвовать в «изменении функционирования социальной системы» (Bandura, 1973, p. 323). Более локальные, но тоже достаточно существенные социальные задачи ставил перед ней Б. Ф. Скиннер – такие, например, как реформу пенитенциарной системы на основе знания о принципах научения, личности и психопатологии (Skinner, 1978). «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», – писал А. Маслоу (цит. по: Хьел, Зиглер, 1997, с. 521). Один из классиков отечественной методологической мысли, Г. П. Щедровицкий, подчеркивал, что «психология – это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т. е. это и весь мир, взятый в определенном повороте, ракурсе» (Щедровицкий, 2007, с. 141)¹⁵. Ф. Риф подчеркивал, что к середине XX в. доминантным типом западной культуры стал Человек психологический, сменив Человека морального и Человека экономического (См.: Сироткина, Смит, 2006). А М. Розенцвейг в 1990-е годы констатировал: «Сейчас психологическая наука – это часть жизни и культуры во всех индустриальных странах и во многих развивающихся» (Rosenzweig, 1992, p. 82). И не случайно с 1980 по 1991 г. количество психологов в мире удвоилось, главным образом за счет психологов-практиков (Ibid.).

Приведенные высказывания не следует воспринимать лишь как «романтические призывы», имеющие отделенное отношение к реальной жизни. Они выражают тот очевидный, но иногда забываемый факт, что в конечном счете главная задача любой социогуманитарной науки состоит в том, чтобы *сделать человека и общество лучше*, и это – отнюдь не романтическая, а вполне практическая цель, которая придает главный социальный смысл и академической, и практической психологии.

Как с этих позиций выглядит наша отечественная практическая психология? С большим, естественно, огрублением ее можно разделить на две части: 1) ориентированную на интересы конкретных клиентов и 2) удовлетворяющую потребности общества в целом. Конечно, можно задать вопрос «А кто решает, в чем состоят интересы общества?», указать на то, что интересы клиента и интересы общества часто совпадают и т. п. И действительно, скажем, психологи, работающие в таких структурах, как МЧС, оказывая помощь жертвам катастроф и терактов, не только помогают конкретным людям (хотя в данном случае такие люди – не «клиенты» в традиционном смысле этого слова), но и решают важнейшие *общесоциальные задачи*. Но, например, большая часть нашей коммерческой психологии обслуживает конкретных клиентов с презумпцией о приоритете их интересов и в отсутствие заботы о том, как эти интересы соотносятся с интересами общества. Иногда отчетливо проявляется и *конфликт интересов*, например, в случае психологов, обслуживающих политиков. В. Е. Семенов задается вопросом: «Ведают ли, что творят, те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле – людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов» (Семенов, 2007, с. 42). Скорее всего, ведают, но руководствуются характерной для нашего бизнеса формулой «клиент всегда прав». Еще хуже обстоит дело в тех случаях, когда, как в ситуации с С. Захаровым, людей приговаривают к большим срокам тюремного заключения на основе крайне сомнительных показаний детектора лжи (полученных не менее сомнительными в профессиональном плане «полиграфологами») и результатов психологического тестирования, интерпретация которых вызывает полное недоумение.

¹⁵ Р. Коллигвуд выразил похожую мысль менее лестным для психологии образом, определив ее как «модное наукообразное мошенничество эпохи» (Коллигвуд, 1980, с. 376), вместе с тем подчеркнув, что «она и есть то знание, которого ищет мир» (там же, с. 376).

«Клиент» же академической психологии – это общество в целом, а немалое количество академических психологов, работающих «на себя», принципиально не изменяет ситуацию: наука в любом обществе выполняет существующий в нем социальный заказ, транслируемый в исследовательскую практику через соответствующую сеть институтов, так что психологическая практика в масштабах академической науки соразмерна глобальным психологическим проблемам нашего общества, которыми практическая психология не занимается, что порождает неизбежное расхождение адресатов «двух психологий».

Например, огромное количество жертв ДТП, ежегодное количество которых превышает наши потери в Афганской войне. Общеизвестно, что основными причинами являются не только и не столько плохие дороги и автомобили, сколько психологические особенности наших автомобилистов: их повышенная агрессивность, пониженное чувство социальной ответственности, привычка пить за рулем и т. п. Чтобы улучшить ситуацию необходимо, в частности, изменение *практики* выдачи водительских удостоверений, их лишения, других форм наказания нерадивых водителей, оценки их психологической адекватности и др. То же самое относится к существующим у нас правилам выдачи лицензий на оружие и к другим *социальным практикам*, оптимизация которых является одной из главных задач психологии (см.: Юревич, 2010). Но подобную задачу вряд ли можно отнести к области собственно практической психологии, поскольку ее решение предполагает анализ ситуации в *обществе* и нахождение путей ее улучшения, а не работу с теми «клиентами» – индивидуальными или коллективными, с которыми имеют дело психологи-практики¹⁶. И можно назвать очень много таких общесоциальных задач – от разработки стратегий повышения рождаемости до борьбы с коррупцией и мониторинга законов, которые являются не просто формальными юридическими императивами, а наиболее общими правилами социальной жизни, предполагая активное участие психологов.

Очень важным представляется также участие психологии в решении принципиальных для нашего общества вопросов о том, как следует понимать свободу и в какой мере мы можем себе ее позволить, каким вообще быть этому обществу, какое воздействие на него могут оказать введение прогрессивной школы налогообложения, налога на роскошь и другие меры. Это задачи *практические*, но не решаемые средствами самой практической психологии, а требующие вмешательства психологов-исследователей.

Подобный социальный заказ психологии как науке и как практике вынуждает скорректировать традиционное противопоставление исследовательской и практической психологии на обоих «полюсах». То, что вторая не является «чисто» практической, имея и исследовательскую составляющую, было показано выше. Но и первая не является «чисто» исследовательской. Фактически любое *макропсихологическое* (см.: Макропсихология..., 2009) исследование, относящееся к нашему обществу в целом, увенчивается предложениями о том, как его состояние улучшить, что тоже относимо к психологической практике, но к практике *общесоциальной*. Используя сложившуюся в политологии и в других социогуманитарных науках дифференциацию «малых» и «больших» дел¹⁷, можно сказать, что в таких случаях психология обращается к «большим» делам. С некоторой долей огрубления можно утверждать и то, что практическая психология преимущественно занимается «малыми» делами на уровне индивидуальных клиентов и социальных групп, а практическая часть исследовательской психологии – «большими»,

¹⁶ Справедливости ради отметим, что и практическая психология начинает принимать участие в решении общесоциальных задач. «К примеру, А-группы (группы действия), состоявшие из людей одной профессии, отличались социологической ориентацией и были сфокусированы на проблемах и методах изменения больших социальных систем», – пишет И. Ялом (Ялом, 2010, с. 506). Можно предположить, что подобные тенденции будут нарастать хотя бы потому, что, как отмечает тот же И. Ялом, «подавляющее большинство индивидов страдают общими расстройствами, глубоко укоренившимися в характере современного западного общества» (там же, с. 531), что позволяет сделать очевидный вывод: чтобы преодолеть эти расстройства, «лечить» надо не индивидов, а общество в целом.

¹⁷ Эта дифференциация, естественно, не означает, что «малые» дела менее важны, чем «большие», она выражает социальный масштаб решаемых проблем.

имея более тесное отношение к глобальному социальному заказу. И здесь, скорее, можно констатировать не «схизис», а взаимодополнение, *комплементарность* «двух психологий», устранение различий между которыми не пошло бы на пользу и им обоим, и нашему обществу.

Взаимодействие исследовательской и практической психологии осложняется тем, что если академическое психологическое сообщество достаточно упорядочено, сосредоточено преимущественно в научно-исследовательских институтах и вузах, организовано в соответствии с существующей там иерархией, то «сообщество» психологов-практиков настолько анархично, что его вообще трудно считать сообществом. Во-первых, оно охватывает не только хорошо организованные государственные структуры (Психологическая служба МЧС, Московская служба психологической помощи населению и др.), но и большое количество всевозможных и слабо взаимодействующих между собой центров, институтов, ассоциаций, в калейдоскопе которых самим практическим психологам трудно разобраться. Причем ведется «статусная война» между такими центрами, проявляющаяся в активном стремлении некоторых из них с помощью пиара и других подобных мер утвердить себя в качестве «главных», «настоящих», «основных», а характерная для нашей практической психологии организационная и статусная неразбериха¹⁸ проявляется и в неуважительном отношении значительной части ее представителей к академической психологии, организованной в соответствии со статусной иерархией. Во-вторых, на ниве практической психологии в нашей стране в отличие от других стран, где эта деятельность упорядочена и лицензирована, подвизается множество личностей, не имеющих полноценного, а иногда и вообще какого-либо психологического образования, и во взаимодействие с академической психологией не вписывающихся по определению¹⁹. В-третьих, что еще хуже, под «центры» практической психологии закамouflированы всевозможные секты, колдуны, астрологи (возникла и новая «наука» – астропсихология как гибрид психологии и астрологии), которым следовало бы «взаимодействовать» с прокуратурой, а не с академической наукой. Как пишет И. А. Мироненко, «в борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились представители вне- и околonaучных форм знания: поп- и парапсихология, широко и незаслуженно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией» (Мироненко, 2006, с. 167–168). Академическая наука для подобной публики – очень неудобный «свидетель» шарлатанства, способный вывести на чистую воду. В тех же случаях, когда речь идет об организованной части практической психологии, представленной упомянутыми выше психологическими службами, социальных препятствий взаимодействию с академической психологией не возникает.

Следует отметить, что от описанного состояния сообщества наших психологов-практиков страдает не только их взаимодействие с академической психологией, но и сами психологи-практики, а также наше общество в целом. В частности, по результатам опроса, проведенного Левада-Центром в 2010 г., к профессиональным психологам и психотерапевтам когда-либо обращались лишь 10 % наших сограждан (это согласуется и с данными, ранее полученными ФОМ), а к колдунам и иже с ними – 20 % (Пресс-выпуск..., 2010). Если в духе отверг-

¹⁸ Попыткой ее преодоления является введение в центрах практической психологии таких «должностей», а, следовательно, и статусных позиций, как «тренер» и т. д., унифицировать которые пока не удается.

¹⁹ Вообще же людей, претендующих в современной России на статус психологов, можно разделить на 6 основных категорий: 1) «настоящие» психологи, имеющие (но не купившие) диплом об окончании психологического факультета какого-либо из «серьезных» университетов; 2) «обращенные», имеющие непсихологическое образование, но с успехом «натурализовавшиеся» в психологическом сообществе путем многолетней работы в каком-либо психологическом учреждении; 3) субпсихологи (по аналогии с субпродуктами), проучившиеся 5 лет, но в каком-либо «доморощенном» психологическом вузе; 4) «липовые» психологи, получившие «сокращенное» (т. е. неполноценное) психологическое образование путем обучения на соответствующих психологических курсах; 5) самопровозглашенные, вообще не имеющие психологического образования, но провозгласившие себя психологами; 6) эзотерики, позиционирующие себя наряду с магистрами белой и черной магии докторами парапсихологических наук и т. п.

нутых даже отечественными псевдолибералами идеологом начала 1990-х годов, как считают некоторые наши психологи-практики, «все решать должен рынок», решит он, скорее всего, не в их пользу и вообще не в пользу здравого смысла.

Вместе с тем все сказанное, конечно, не должно восприниматься в качестве индульгенции академической психологии как мало дающей психологической практике потому, что, во-первых, она и не должна давать, во-вторых, слабо взаимодействующей с этой практикой из-за ее неудовлетворительного состояния и засоренности инородными элементами. За состояние психологической практики несет ответственность и академическая наука. *Знаниевая база* этой практики создается и ею самой, но все же должна иметь в своей основе то знание, которое вырабатывает фундаментальная наука – в соответствии с описанным выше «принципом воплощения», поэтому переориентация академической психологии с тех проблем, которые не просто изучаются в лабораториях (в лабораториях изучается большинство проблем фундаментальной науки), но и *порождаются* абстрактной лабораторной логикой, на психологические проблемы, порождаемые реальной жизнью, необходима и для нее самой, и для практической психологии, и для их плодотворного взаимодействия. Собственно, это и означает реализацию на полюсе академической психологии тезиса о социальной релевантности этой дисциплины, провозглашенного С. Московичи.

Литература

Аллахвердов В. М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2007. С. 174–194.

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М.: Прогресс, 1961.

Василук Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

Вачков И. В. Нужна ли практическому психологу методология? // Труды ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.

Визгин В. П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 36–51.

Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.

Задорин М. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность, 2007. № 5. С. 65–74.

Карицкий И. Н. Методология практической психологии // Труды ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1980.

Корнилова Т. В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 120–129.

Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Малки М. Знание и полезность: импликации для социологии знания // Знание: собственность и власть. Хрестоматия / Под ред.

В. Н. Садовниченко. М.: ИСПИ РАН, 2010. С. 91–111. Мироненко И. А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 160–173.

Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2007. С. 119–135.

Пресс выпуск Левада-Центра. 25.08.2010. URL: <http://www.levada.ru/press/2010082501.html> (дата обращения: 15.06.2015).

Пружинин Б. И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // *Этос науки*. М., 2008. С. 108–121.

Семенов В. Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // *Психологический журнал*. 2007. № 1. С. 38–45.

Сироткина И. Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // *Психологический журнал*. 2006. № 1. С. 114–121.

Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования // *Методология и история психологии*. 2007. Вып. 1. С. 190–206.

Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

Щедровицкий Г. П. Методологическая организация сферы психологии // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 133–151.

Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Ялом И. Групповая психотерапия: теория и практика. М.: Апрель-Пресс, 2010.

Adam B., Loon Van J. Introduction: Repositioning risk; the challenge for social theory // *The risk society and beyond*. L., 2000. P. 1–31.

Bandura A. Aggression: A social-learning analysis. Englewood Cliffs, NJ, 1973.

Bandura A. Social foundations of thought and action. Englewood Cliffs, NJ, 1986.

Bunge M. Technology as applied science // *Technology and Culture*. 1967. № 8. P. 329–347.

Coolican H. Research methods and statistics in psychology. L., 1998.

Gergen K. J. Toward a Postmodern Psychology // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 17–30.

Harre R. The positivist-empiricist approach and its alternative // *Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research*. Chichester, 1981. P. 20–48.

Langrish J. et al. Wealth from Knowledge. L.: Macmillan, 1972.

Layton E. Conditions and Technological Development, in *Science, Technology and Society*. L.: Sage Publications, 1978. P. 210.

Materials Advisory Board, Report of the Ad Hoc Committee on Principles of Research-Engineering Interaction. Washington, D. C.: National Academy of Sciences, 1966.

Moscovici S. Society and theory in social psychology // *The context of social psychology: A critical assessment*. N. Y., 1972.

Polkinhorne D. E. Postmodern Epistemology of Practice // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 14 6 –16 5.

Rosenzweig M. R. What is psychological science // *International psychological science: Progress, problems and prospects*. Washington, 1992.

Sass L. A. The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // *Psychology and postmodernism*. L., 1994. P. 16 6 –182.

Sexton V. S., Hogan J. (Eds). *International psychology: Views from around the world* (2nd ed.). Lincoln, 1992.

Shotter J. “Getting in touch”: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // *Psychology and postmodernism*. L., 1994. P. 58–73.

Skinner B. F. Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1978.

Van der Vleist R. Social psychological theory and empirical studies of practical problems // *Confronting social issues: Applications of social psychology*. L., 1982. V. 1. P. 7–22.

В. А. Мазилев

Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее

В далеком уже 1971 г., будучи студентом первого курса психологического факультета, я прочел в «Основах общей психологии» С. Л. Рубинштейна, что термин «психология» был введен Рудольфом Гоклениусом в 1590 г. Однако через пару лет на занятиях по французскому языку была предложена для перевода на русский язык книга П. Жаккара «Бессознательное, сны, комплексы» (Jaccard, 1973), в которой утверждалось, что изобретателем термина «психология» является некий Марко Марулич. Это была первая встреча с этим именем. Субъективное «открытие» произвело впечатление. Я стал интересоваться этим вопросом, информация подтвердилась. В своей книге 1998 г. «Теория и метод в психологии» я смело утверждал, что «в названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) далматинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450–1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово „психология“» (Мазилев, 1998, с. 133). То же самое отмечено и в учебнике по общей психологии (Мазилев, 2002). Данные Ивон Брес утверждают первенство Марулича. «В 1590 г. выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке). Название труда Геккеля, который, кстати, является собранием произведений многих авторов о душе: «Психология, т. е. о совершенстве человека, о душе и, прежде всего, о возникновении ее...» (Брес, 1988, с. 124). Но поколебать общее мнение, освященное традицией, казалось невозможным.

Каково было мое удивление, когда в 2013 г. к Маруличу было обращено всеобщее внимание (500 лет..., 2013). Более того, выяснилось, что психология именно в то время отмечала юбилей (Кроник, 2014). 500 лет назад появилось это наименование: не каждому поколению «служителей» этой дисциплины, науки о душе, «возвышенной и удивительной», как именовал ее Аристотель, суждено отмечать столь значительное событие. Обратим внимание, что термин «психология» появился ровно 500 лет назад: А. А. Кроник определил, что скорее всего юбилей имел место в 2013 г. Воспользуемся случаем и скажем несколько слов об авторе термина.

Марко Марулич родился 18 августа 1450 г. в Сплите, который тогда принадлежал Венецианской республике (ныне Хорватия). Поэт, философ, гуманист, создатель хорватской литературы, «отец хорватского ренессанса». Марулич – автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В 1510-х годах Марко Марулич пишет трактат *Psichiologia dieratione animæ humanæ* (Психология человеческой души), в названии которого впервые используется слово «психология». Труд этот не сохранился, но его название содержится в списке трудов Марко Марулича. Судя по положению в списке, трактат по психологии был создан между 1510 и 1517 гг. (Кроник, 2014; Мазилев, 2013 в).

Насколько я могу судить, особого резонанса в психологическом сообществе эта дата не вызвала. Состоялась заочная конференция «500 лет использования понятия «психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ MarkoMarulic)», организованная редакцией журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», в конференции приняли участие всего несколько человек. Конференция была пролонгирована на весь 2014 г. Проект «500 лет...» реализовывался как непрерывная годичная заочная научная конференция с публикацией поступающих материалов в сетевом или печатном издании научного журнала «Вестник...» и ЭНЖ «РЕМ». Целевая аудитория этих публикаций – студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели государственных и негосударственных учреждений высшего профессионального образования, сотрудники научно-исследовательских учреждений, практические психологи (Пятьсот лет..., 2014). Это

дает нам основание вспомнить, что наша древняя и вечно молодая наука прошла большой путь. И мы можем обратиться к ее истории или в поиске подсказок, или в надежде на то, что найдем места, где «ветвились тропинки» (Х. Л. Борхес). Это важные ориентиры для осмысления того, «что есть психология как наука и куда она идет», повод для того, чтобы попытаться выяснить, где и когда произошло разделение на психологию практическую и психологию академическую. Или, возможно, тропинки ветвились не так, и у этих ветвей психологического знания не только ствол, но и корни разные?

Историческое введение

Видимо, сегодня наступила пора вернуться к обсуждению вечных вопросов. По нашему мнению, это извечная проблема психологии – наличие в общем комплексе знаний о психическом разных составляющих, в самой психологии – разных потоков.

Поскольку у психологии длинная история, совсем не удивительно, что точка отсчета устанавливается совершенно по-разному. Уже у Аристотеля мы можем найти и элементы психологической теории, и элементы психологической практики, а значит, в той или иной форме можно говорить об их оппозиции. В самом деле, в IV в. до Р. Х. термина «психология» еще не было, а учение о душе – *logosperiopsyche* – уже есть, Платон придумал слово «психагогия» для обозначения практики, реализуя которую хороший оратор может вести за собой своих слушателей... Чем не оппозиция ликейского и академического? И, кстати сказать, отметим, что не видим ничего плохого в том, что между разными потоками внутри психологического знания есть разрывы и оппозиции. Как говорил, выступая на Ярославском методологическом семинаре в 2003 г. В. П. Зинченко, единство сознания и деятельности может быть в одном случае лишь у трупа, когда нет ни сознания, ни деятельности... Пока психология живет, разрывы и диссоциации будут неизбежно. Единство нам только снится!

Исторически психология, как известно, начинается с донаучной психологии, которую, по известному выражению П. Жане, «народ создает еще до психологов» (Роговин, 1969, с. 18). С психологии, которая не осознает себя наукой (и ею, в общем-то, не является), а существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М. С. Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино, обусловленные необходимостью понимать другого человека в процессе совместного труда, необходимостью правильно реагировать на его действия и поступки (Роговин, 1969, с. 18). «Человек развивался и познавал свой субъективный мир по мере того, как овладевал внешним миром. Внутреннее становилось доступным через практическое взаимодействие с окружением» (Роговин, 1969, с. 37–38). Отметим, что не подлежит, по-видимому, сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение. Скажем о донаучной психологии чуть подробнее. Роль донаучной психологии не должна недооцениваться. Житейские представления о психическом существуют у каждого человека, они составляют ту основу, на которую «проецируются»

научные построения. Имплицитные представления (так называемые «имплицитные теории» личности, мотивации, психики в целом и т. д.) человека, определяющие в значительной степени взаимодействие человека с миром, должны учитываться как одна из предпосылок формирования психологической теории. Здесь уместно вспомнить о понятии «мезокосма», используемом в эволюционной эпистемологии Г. Фолльмера (1991). «Мезокосм – это когнитивное окно, которое открывается перед человеком, обремененным своей биологической природой. Это мир средних измерений, к которому адаптировался человек в ходе биологической эволюции. Мезокосм, согласно Г. Фолльмеру, это „когнитивная ниша“ человека» (Князева, 1995, с. 179). Мезокосм соответствует миру средних размерностей. Г. Фолльмер анализирует интуитивные представления о движении современного человека, констатируя сходство с физическими теориями средневековья. Утверждается, что эти предрассудки практически неустра-

нимы (Фолльмер, 1996). Остается только выразить сожаления, что особенности интуитивных представлений человека о собственной психике не исследованы пока в достаточной степени. Возможно, что прогресс в этой области будет достигнут, когда научная психология ассимилирует опыт, накопленный в трансперсональной психологии.

Важным признаком донаучной психологии является то, что ее «объект по существу не меняется (это всегда те люди, с которыми мы непосредственно соприкасаемся)» (Роговин, 1969, с. 19). Донаучная психология, таким образом, имеет «объектное» происхождение. Для нее важен сам человек, можно сказать, что донаучная психология личностно-ориентированна. Для нее важны практичность (возможность использования) и целостность (предсказание поведения, поступков целостного человека). Так донаучная психология требует «заземления», практического знания. Роль донаучной психологии в *современной* психологии состоит, по-видимому, в том, чтобы отстаивать тенденцию к целостному («объектному») и практически ориентированному познанию. К сожалению, особенности донаучной психологии изучены пока явно недостаточно.

На наш взгляд, было бы неправильно сводить «начальную» донаучную психологию только к вышеописанной. Это только один из ее корней. Психология «вырастала» одновременно из различных источников, на что совершенно справедливо указывал еще Макс Дессуар, один из первых историков психологии. Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью (психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т. д. (психогностика) (Дессуар, 1912). Нельзя не учитывать также опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т. д. (Пути за пределы «эго», 1996).

Шаманские практики существуют в течение 40000 лет.

Итак: у психологии много корней. Методологический анализ свидетельствует о том, что психология не представляет собой монолита: она «гетерогенна» (неоднородна). М. С. Роговиным было предложено разделение на донаучную, философскую и собственно научную психологии (Роговин, 1969). Такое разделение психологического знания в традиции франкоязычной психологии: об имплицитной психологии писал П. Гийом, о донаучной психологии говорил П. Жане. Подобное расчленение психологического знания (и, соответственно, трех видов психологии – донаучной, философской и научной) представляется полезным для анализа интересующей нас темы. При этом хотелось бы обратить внимание на существенное различие между членением психологии, предложенным М. С. Роговиным, и многочисленными трехчленными делениями, которые были очень популярны в прошлом столетии. В качестве примера можно взять известный закон «трех стадий» О. Конта (Конт, 1910, 1912), в соответствии с которым в развитии любой науки могут быть выделены теологическая, метафизическая и научная стадии. Согласно Конту, имеет место смена одной стадии другой: переход к следующей «отменяет» предыдущую. По мнению М. С. Роговина, в психологии дело обстоит иначе: «Самой характерной особенностью истории психологии является то, что все эти три значения термина не сменяют друг друга как последовательные этапы, а продолжают существовать наряду друг с другом, оказывая друг на друга влияние в большей или меньшей степени» (Роговин, 1977, с.19). Для нашего исследования важно, что указанные течения в психологии и виды психологического знания сосуществуют в культуре и, следовательно, могут оказывать взаимное влияние.

К сожалению, нет больше возможности анализировать отношения между потоками психологического знания в предистории психологии (хотя заманчиво отправиться на поиски неожиданных оппозиций, некоторые из них покажутся крайне неожиданными). Поэтому обратимся к тому времени, когда психология стала самостоятельной наукой. Как известно, внимание к проблеме разрыва между психологической теорией и психологической практикой привлек Л. С. Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927)

(Выготский, 1982), которая была опубликована лишь в 1982 г., до того была известна лишь узкому кругу специалистов по копиям в самиздате. (Мазилов, 1998, 2007).

Соотношение академической и практической психологии в конце XX в.

Здесь точка отсчета определяется, как представляется многим, совершенно однозначно: в 1996 г. появилась известная статья Ф. Е. Василюка, от которой обычно исчисляется современный отсчет анализа данной проблемы. В этой яркой статье, напомним, утверждалось, что существует схизис между академической и практической психологией. Как нам представляется, не стоит все же забывать, что О. К. Тихомиров первым в новейшей истории отечественной психологии поставил проблему соотношения академической и практической психологии, причем он рассматривал это как проблему мировой психологической науки. «Соотношение теоретической, или академической, психологии и психологии практической. Две области разорваны в структуре мировой психологической науки. Этот разрыв организационно оформлен. Существуют две международные ассоциации. Одна называется „Ассоциация научной психологии“, другая „Ассоциация прикладной психологии“. Они собираются в разных городах, с разным составом (иногда он может частично совпадать)» (Тихомиров, 1992, с. 55). В результате практическая работа психологов строится без опоры на теории, развиваемые в академической психологии. Академическая психология, соответственно, недостаточно анализирует и ассимилирует опыт практической психологии. Нельзя не заметить, что соотношение академической и практикоориентированной психологии сегодня обсуждается в периодической печати очень широко, проблема и сегодня остроактуальна. При этом исследователи редко, к сожалению, вспоминают, что проблема в новейшей истории психологии была поставлена на обсуждение именно О. К. Тихомировым еще в 1992 г. Но вернемся к работе Ф. Е. Василюка. Название этой статьи, получившей широкий резонанс, – «Методологический смысл психологического схизиса». Схизис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности...» (Василюк, 1996, с. 26). Ф. Е. Василюк подчеркивает, что «наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 1996, с. 27).

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» (Василюк, 1996, с. 27).

Проблема была проанализирована в работах А. В. Юревича о системном кризисе в психологии, где диагноз, поставленный Ф. Е. Василюком, был углублен и рассмотрен в более широком социокультурном контексте. Статья А. В. Юревича называется «Системный кризис психологии» (1999), она посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, так как это одно из немногих *специальных* исследований по данной проблеме.

А. В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3)

конкуренция со стороны паранауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. А. В. Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, „силы“ представляют собой „государства в государстве“, которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несоизмеримы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь-либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т. д.» (Юревич, 1999, с. 4).

А. В. Юревич справедливо указывает, что в 1970-е годы возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и удалена от естественных наук, чем раньше.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рационализма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» (Юревич, 1999, с. 9). Автор использует важные понятия «социодигмы» и «метади́гмы» (см. таблицу 1). «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же *различными сообществами*, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» (Юревич, 1999, с. 7). Метади́гмы связаны с выделением таких систем отношения к миру, как западная наука, традиционная восточная наука, религия и т. д. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать *метади́гмами*, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» (Юревич, 1999, с. 9). Водораздел между различными метади́гмами состоит в том, что они опираются на различные типы рациональности.

Наука, согласно А. В. Юревичу, зависима от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метади́гмами и распространенные в обществе представления. «Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метади́гм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественно-научности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько *системы ее взаимоотношений с обществом*, и поэтому может разрешиться только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метади́гме одолеть ее конкурентов» (Юревич, 1999, с. 10).

Таблица 1

Общие типы когнитивных систем (Юревич, 1999)

Когнитив- ные системы	Примеры	Констатирующие признаки
Метатеории	Когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ	Объяснение психологической реальности, способы ее исследования
Парадигмы	Позитивистская и гуманистическая психология	Модели человека, подходы к его изучению
Социодигмы	Исследовательская и практическая психология	Различные внутридисциплинарные сообщества
Метадигмы	Западная наука, восточная наука, паранаука, религия	Типы рациональности

Отметим, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться. Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии может быть преодолен только *целенаправленной совместной работой психологического сообщества*, т. е. социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета (Мазиллов, 1998, 2007). Для того чтобы приступить к рассмотрению новейших работ по проблеме соотношения академической психологии, необходимо дать хотя бы краткую характеристику этих сфер психологического знания. Не имея возможности привести характеристики современной академической психологии, ограничимся рассмотрением лишь парадигмального подхода. При характеристике практико-ориентированной психологии рассмотрим лишь работы И. Н. Карицкого, в которых, на наш взгляд, затронуты важные вопросы архитектуры психологической практики.

Академическая психология: парадигмы

В последнее время в психологических работах, в многочисленных методологических дискуссиях довольно часто используется понятие «парадигма». А. В. Юревич отмечает: «Методологическое самоопределение психологической науки, как правило, осуществляется в терминах парадигм, а это, введенное Т. Куном, понятие получило в ней намного более широкое распространение, нежели такие его «конкуренты», рожденные на территории философской методологии науки, как исследовательская программа (И. Лакатос), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др.» (Юревич, 2008, с. 3). Столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии. Понятия «исследовательская программа» и «исследовательская традиция» в большей степени используются в работах по истории психологии. Поэтому не удивительно, что психологи обращаются, в первую очередь, к понятиям этого уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой? Да и фактор моды не стоит недооценивать.

В связи с широким использованием термина «парадигма» уместно заметить следующее. В современной науке просто необходим более «масштабный» взгляд. Идея парадигмы витала в воздухе. Как отмечается историками науки, в философию науки понятие парадигмы было введено в начале XX в. позитивистом Г. Бергманом для характеристики нормативности методологии, однако широкое распространение приобрело после работ американского историка физики Томаса Куна. Как отмечает В. С. Черняк, почва была подготовлена. Французский историк и философ науки Элен Мецжер (1889–1944), трагически погибшая в газовой камере в Освенциме, была предшественницей Куна в истории идей.

Предмет исследования Мецжер, как отмечает В. С. Черняк, является история идей, она не касается истории жизни ученых, элиминируя тем самым из своей работы биографические данные и психологию изучаемых авторов. Она полагает, что невозможно определить механизм связи эволюции доктрин, экспериментальных открытий и технических изобретений химии с определенной эпохой, пока не будет проанализирована и изложена история идей. Главное для

нее – это показать формирование самих основ теорий, их модификацию под давлением внутренней логики или же под давлением внешних влияний (социальных или научных) (Черняк, 2001). «Мецжер выдвинула одну из первых моделей некумулятивного развития науки, предвосхитив ряд принципиальных положений концепции Куна и оказав на него заметное влияние» (Черняк, 2010, с. 562). По Мецжер, необходимо отделять период становления (генезиса) определенной науки от стадии ее существования как уже оформленной научной дисциплины. В фазе генезиса наука не является автономной системой, развивающейся по своим внутренним законам. Эволюция науки в значительной мере определяется и направляется господствующими философскими течениями. На этом этапе обычно существует плюрализм мнений ученых, множественность концепций и отсутствие общепринятой теории (Черняк, 2010). Такая эпистемологическая ситуация, которую Мецжер называет «интеллектуальной анархией», во многом определяется отсутствием четкого осознания предмета познания и специализации в среде исследователей. Зрелая фаза науки характеризуется ее дисциплинарной структурой – наличием собственного предмета и методов исследования, а также организованной группы ученых, работающих в рамках общепризнанной теории. Переход от плюрализма к такой теории, согласно Мецжер, совершается внезапно, без видимой связи с предшествующими работами. Причем новая концепция быстро завоевывает популярность у многих ученых, которые вербуются нередко из числа ее бывших противников, как бы обращенных в новую веру (Черняк, 2010). С утверждением общепринятой концепции ученые свою главную задачу видят в расширении области ее применения. Их работа сводится к усовершенствованию принятой теории, не затрагивающему ее основных принципов. В. С. Черняк пишет: «Однако в ходе этого спокойного эволюционного развития постепенно обнаруживаются трудности и аномалии, которые приводят в итоге к кризису общепризнанной концепции и стремлению найти ей замену Мецжер доказывала также, что развитие науки тесно связано с общим ходом цивилизации, поэтому социальное значение тех или иных научных достижений зависит от их соответствия путям развития и потребностям общества» (Черняк, 2010, с. 562).

Очевидно существенное сходство изложенных позиций Э. Мецжер и концепции Т. Куна. Сама эта история может служить аргументом в пользу подтверждения роли социального фактора в развитии науки...

Обратимся собственно к понятию «парадигма». «Психологи называют парадигмами и общие теории, и основные исследовательские направления, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, и более частные модели проведения исследований, и два основных „типа“ психологии – естественно-научную и гуманитарную, и модели экспериментального исследования, и многое другое. С некоторых пор этот термин проник в практическую психологию, где тоже используется для обозначения совершенно разных реалий, в частности, соперничающих в ней школ и направлений» (Журавлев и др., 2012, с. 8).

По проблемам парадигм и парадигмального статуса психологии проходили конференции и другие подобного рода мероприятия, осуществлялись специальные издания (см.: Парадигмы в психологии, 2012; Методология современной психологии..., 2010). Конечно, обсуждение методологических вопросов всегда представляет определенный интерес, а сама методологическая рефлексия не может быть полностью бесполезной. Но ожидать от дискуссии существенного прорыва не приходится, поскольку в психологии с термином «парадигма» обычно обходятся настолько вольно, что споры теряют всякий смысл.

Очевидно, что в таких условиях полезны попытки упорядочить употребление термина, «например, путем выделения разных уровней парадигмальности: различение парадигм общих и частных, мировоззренческих, общенаучных, конкретно научных и индивидуально-ситуативных, американской, западноевропейской и российской парадигм и т. п.» (Журавлев и др., 2012, с. 8). Отметим, что такая работа уже проводится. Пионером ее можно считать известную пуб-

ликацию Д. Моргана (Morgan, 2007), в которой приводится таблица с различными вариантами понимания парадигм (Morgan, 2007, p. 51).

Воспользуемся переводом В. А. Янчука и предложим эту таблицу нашему читателю.

Для каждого варианта понимания парадигмы установлены определяющие характеристики, что, несомненно, представляет существенное продвижение в данной проблематике. В русскоязычной психологии она успешно реализуется известным белорусским психологом В. А. Янчуком (Янчук, 2012а), который провел перспективное исследование по соотнесению парадигмальных координат. В качестве объекта анализа в статье В. А. Янчука выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению метатеоретических оснований психологического знания (Янчук, 2012а). К анализу были привлечены следующие парадигмы:

Таблица 1

Четыре типа парадигм (Янчук, 2012б)

	Парадигмы как мировоззрения	Парадигмы как эпистемологические позиции	Парадигмы как разделяемые представления в исследовательской области	Парадигмы как примеры моделей
Определяющие характеристики	Всеохватывающие перспективы мира	Онтология, эпистемология и методология философии знания	Разделяемые представления о природе вопросов и ответах на них в исследовательской области	Полагается на специфические экземпляры или типичные решения проблем
Место в работах Куна	Имплицированное	Прямо обсуждаемое, но не поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое
Место в развитии социальных наук	Общее как нетехническое использование	Доминирующая сегодня версия	Относительно необщая	В большей части отсутствующая
Преимущества	Признает роль личного опыта и культуры в научном познании	Полагается на хорошо известные элементы философии знания	Может быть изучена путем проверки работ наиболее авторитетных авторов	Крайне эксплицитные и конкретные
Ограничения	Крайняя широта, слабое отношение к изучаемому	Широкий подход к познанию, менее очевидная связь с изучаемым	Обычно описывает результаты небольших групп исследователей, а не целостную дисциплину	Очень узкое, ограниченное применение
Место в комбинировании методов	Слабое эксплицитное использование	Основополагающее влияние	Небольшое влияние	Небольшое эксплицитное использование

- 1) биологическая,
- 2) бихевиористская,
- 3) гуманистическая,
- 4) деятельностьная,
- 5) диалогическая,
- 6) интеракционистская,
- 7) когнитивистская,
- 8) нейронаучная,
- 9) психодинамическая,
- 10) социально-когнитивно-наученческая,
- 11) феминистская,
- 12) экзистенциально-феноменологическая.

То, что именуется в этом перечне парадигмами, представляет собой синкретическое объединение разнородных и разноуровневых, часто взаимнопересекающихся подходов, направлений, ориентаций и т. д. Представляется, что не все перечисленное можно именовать парадигмами. Да и многовато их получается для нашей молодой науки. Возникает устойчивое впечатление, что увеличение количества парадигм надежно свидетельствует о том, что это уже «не совсем парадигмы»...

В. А. Янчук отмечает, что рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их соотнесения. «Обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или

иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции имеют место как пересечения ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим оппозициям с другими традициями, так и существенные расхождения. В них тоже есть несомненный позитивный потенциал, т. к. смещения акцентов в ту или иную сторону в различных их комбинациях позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методов; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов» (Янчук, 2012, с. 149).

Согласно В. А. Янчуку, «каждая парадигма обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими схватить те грани и особенности, которые не схватываемы с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаимодействия, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве вечного двигателя прогресса человеческого познания» (Янчук, 2012, с. 149).

Как отмечает В. А. Янчук в другой работе, сегодня в любом учебнике по психологии, теориям личности, возрастной и другим психологиям начали появляться весьма конструктивные разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В серьезных зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Integrative Psychological and Behavioral Science», «New Ideas in Psychology», «Perspectives on Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Theory and Psychology», и др. начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов, с акцентом на выявление оснований и путей межпарадигмального диалога (Янчук, 2012б).

В работах В. А. Янчука дается подробный анализ ситуации в мировой психологии перехода от парадигмальных войн к парадигмальным дебатам, а затем и к парадигмальному диалогу (Янчук, 2012а, б).

Еще раз подчеркнем, что нам прогресс человеческого познания в данном случае видится в первую очередь в том, что «кандидаты» на роль парадигм всесторонне анализируются и обсуждаются, тем самым соотносятся между собой, что в известном смысле выполняет подготовительную работу, обеспечивая (создавая и уточняя, конкретизируя) фактуальную основу для грядущих исследований парадигмального статуса психологической науки. Тем не менее эта работа пока далека от завершения, поэтому, по нашему мнению, в настоящее время дискуссии об актуальном парадигмальном статусе несколько преждевременны.

Как нам представляется, более актуальны исследования, связанные с анализом конкретных подходов, претендующих на статус парадигм в психологии. Рассмотрим, какие подходы могут претендовать на статус парадигмы в современной психологии.

Некоторые зарубежные авторы говорят о позитивистской парадигме. В. А. Янчук отмечает, что доминирующая в науке позитивистская парадигма исходит из принципиальной возможности получения объективного знания об окружающей реальности. Это объективное знание обеспечивается процедурами операционализации и верификации. Иными словами, данные и их анализ являются свободными от ценностей и субъективности исследователя. В самом широком понимании позитивизм исходно отрицает метафизику, утверждая, что задачей науки является просто непредвзятое описание фактов, прикосновение к тому, что мы наблюдаем и измеряем (Янчук, 2012б). Таким образом, позитивисты дистанцируются от личностного фактора и его влияния на изучение мира, в то время как представители других метапарадигм признают возможность взаимодействия внешнего мира с внутренним миром познающего субъекта и необходимость рассмотрения этого взаимодействия для лучшего понимания и выявления существенных свойств и характеристик изучаемых явлений (Янчук, 2012б, с. 6). Позитивизм

определялся многообразными способами. Согласно Колаковски, позитивизм основывается на четырех ключевых доктринах: правиле феноменализма, утверждающего существование только опыта при отрицании любых абстракций типа «материи» и «духа»; правиле номинализма, в соответствии с которым слова, обобщения, абстракции и т. п. являются всего лишь лингвистическими феноменами и не дают новых инсайтов в отношении мира; отделении фактов от ценностей; и единстве научного метода (Kolakowski, 1972).

В соответствии с позитивистской эпистемологией, научное познание рассматривается как получение истинного знания, понимания мира с целью выявления оснований его предсказуемости и контролируемости. Мир и универсум в таком понимании являются детерминированными, управляемыми причинно-следственными законами, которые могут быть выявлены посредством научных методов. Выведение нового знания осуществляется дедуктивно, являя своим продуктом проверяемые теории. (Янчук, 2012б). Позитивисты уверены в верности эмпиризма, придерживаясь идеи о центральности наблюдения и измерения как фундаментального основания научного исследования. Ключевым методом является научный эксперимент, направленный на установление естественных законов природы посредством наблюдения и манипулирования переменными. Именно позитивистская методология лежит в основании классической экспериментальной психологии, придавшей психологическому знанию статус научного, благодаря усилиям бихевиористов. Во многом экспериментальной психологическая наука остается и сегодня, свидетельством чему являются доминирующие в научных журналах публикации эмпирицистского толка. Проблема заключается в том, что критериями объективности и научности в позитивизме являются измеримость и воспроизводимость научных результатов, конституированная в принципах операционализации и верификации. Как раз с ними у психологической науки и возникают фундаментальные проблемы (Янчук, 2012б). Во первых, психика (внутренняя реальность, активность и т. п.) как основополагающий конструкт не подлежит непосредственному наблюдению и тем более измерению. Следовательно, психологические измерения в отличие от классических естественно-научных носят опосредованный характер, требующий специальных усилий для снятия исследовательской субъективности, в принципе недостижимой в силу значительного числа влияющих переменных. Во-вторых процедуры верификации, предполагающие пространственно-временную бесконечность, также практически неприменимы к психологической феноменологии. Попытка решения этой задачи математическими методами не является исчерпывающей, так как в дальнейшем исследователь оперирует математическими константами, оторванными от их субъекта и упрощающими процессы, реализующиеся в его внутренней активности. Впрочем, как указывает В. А. Янчук, эта проблема в психологии либо замалчивается, либо не осознается вовсе (Янчук, 2012б).

Как отмечает В. А. Янчук, в зарубежной психологии позитивизму противостоит «конструктивизм»: «Наиболее очевидное отличие между «конвенциональной» позитивистской системой представлений и «натуралистической» или конструктивистской системой в эпистемологическом аспекте заключается в том, что первое является по существу объективистским, признающим принципиальную возможность экстерииоризации исследуемой реальности без прикосновения к ней и вовлечения в нее, а принципиальная позиция конструктивистов заключается в том, что эпистемологически исследователь и исследуемое взаимосвязаны друг с другом таким образом, что результаты исследования по существу являются следствием самого процесса их взаимодействия. Конструктивисты, таким образом, занимают позицию созидания знания в процессе взаимодействия познающего и познаваемого» (Янчук, 2012б, с. 8)

Попытку нахождения своеобразного межпарадигмального компромисса представляет реализм – философская традиция, содержащая элементы как позитивизма, так и конструктивизма (критический реализм или постпозитивизм, неопозитивизм). В то время как позитивизм утверждает существование единственной, конкретной реальности, а интерпретативизм – множественные реальности, реализм провозглашает множественные восприятия единствен-

ной, независимой от мышления реальности. Понятие «реальности», используемое реализмом, выходит за рамки самости или сознания, но не является полностью раскрываемым или познаваемым. Вместо независимой от ценностей реальности, как в позитивизме, или обусловленной ценностями, как в интерпретативизме, реализм вместо зависимости познания от ценностей признает зависимость от них человеческих систем и исследователей (Янчук, 2012б).

Как представляется, позитивизм все же – скорее не парадигма, а метапарадигма.

Рассмотрим кратко те подходы, которые могут претендовать сегодня на статус *основных парадигм психологии*. На наш взгляд, сегодня на то, чтобы выступать в качестве основных парадигм, определяющих лицо психологической науки, могут претендовать две – естественно-научная и герменевтическая. Нам уже приходилось писать об этом, поэтому скажем очень кратко (Мазилов, 2007, 2012)

Естественно-научная парадигма. Исторически это первая парадигма научной психологии. Естественно-научная она не потому, что психология, согласно этой парадигме, основывается на данных естественных наук, в частности, физиологии. Она естественно-научная потому, что построена по образцу естественных наук начала XVIII в., как это представлял себе Кант. В основе естественно-научной парадигмы лежит проект, являющийся ответом на кантовскую критику психологии (Мазилов, 1998). Основные черты естественно-научной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут быть сведены к следующему: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, т. е. сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования разработанные в естественных науках (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественно-научного подхода в психологии – атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтеевском смысле), склонность к психофизиологическим объяснениям и т. п., по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентации, склонность к физиологическим объяснениям и т. д.

Герменевтическая парадигма. Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтеем (1833–1911). В работах Дильтея получила развитие идея целостности психических актов, высказанная Brentano.

На наш взгляд, Brentano одним из первых в психологии XIX в. выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе, и, для того чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный – брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т. д.

Вундтовской психологии, которую Дильтей определял как объясняющую, конструктивную, он противопоставил описательную, расчленяющую, понимающую. О дильтеевской психологии написано очень много, что избавляет от ее подробного представления. Но, к сожалению, очень часто возникают недоразумения. Достаточно распространена, к примеру, точка зрения, согласно которой: «В психологии Дильтея достигает своего предельного выражения дуализм низшего и высшего, отчетливо выступивший уже у Вундта, – это метафизическое разделение психологии на два этажа, или, как писал Л. С. Выготский, «на две науки – физиоло-

гическую, естественно-научную или каузальную психологию, с одной стороны, и „понимающую“, описательную или теологическую психологию духа как основу всех гуманитарных наук, с другой» (История психологии, 1992, с. 318). То, что справедливо для психологии Вундта, не является таковым для Дильтея. Различие между объяснительной и описательной (понимающей, расчленяющей) психологией для Дильтея чисто *методологическое*: один или другой подход может быть распространен на *всю науку*. За объяснительной психологией признается право на существование, но ее значение невелико. Характеристика описательной психологии хорошо известна. «Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни. Она изображает эту связь внутренней жизни в некоторого рода типическом человеке. Она пользуется всяким возможным вспомогательным средством для разрешения своей задачи. Но значение ее в шкале наук основывается именно на том, что всякая связь, к которой она обращается, может быть однозначно удостоверена внутренним восприятием, и каждая такая связь может быть показана как член объемлющей ее, в свою очередь, более широкой связи, которая не выводится путем умозаключения, а изначально дана» (Дильтей, 1996, с. 28). «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем. Во внутреннем опыте даны также процессы воздействия, связи в одно целое функций как отдельных членов душевной жизни. Переживаемый комплекс тут является первичным, различение отдельных членов его – дело уже последующего. Этим обуславливается весьма значительное различие методов, с помощью которых мы изучаем душевную жизнь, историю и общество от тех, благодаря коим достигается познание природы» (Дильтей, 1996, с. 16). «Итак, необходима и возможна психология, кладущая в основу своего развития описательный и аналитический метод, и лишь во вторую очередь применяющая объяснительные конструкции, причем она сознает наличие положенных им пределов и применяет эти конструкции так, что такие гипотезы не являются, в свою очередь, основанием для дальнейших гипотетических объяснений. Она будет основанием наук о духе, подобно тому как математика – основа естествознания» (Дильтей, 1996, с. 89).

Дильтей подверг резкой критике объяснительную психологию Лотце, Вундта и других представителей немецкой психологии. Главными ее недостатками Дильтей считал элементаризм и конструктивизм. По Дильтею, эта психология пытается выделить исходные элементы в сознании, из которых с помощью произвольных гипотез сконструировать целое. Поскольку интерпретации произвольны и гипотетичны, маловероятно, что итоговая картина будет убедительной.

Этой психологии Дильтей противопоставляет собственный подход, который называет описательной (понимающей, расчленяющей) психологией. Основные ее черты:

1. Необходимо исходить из данности сознания, очевидности.
2. Целостность сознания. Дильтей говорит о связности душевной жизни.
3. Необходимо идти не от элементов к целому, а, напротив, исходить из целого.
4. Важнейшим понятием является переживание. Важно понять, что данное переживание означает для человека. Тем самым обеспечивается связь с надындивидуальным миром культуры.

5. Необходимо не выделять элементы, расчленять сознание на целевые системы.

6. Задача психологии не объяснять, а понимать. Причинность в психологии должна пониматься не так, как в естественных науках.

7. Важнейшим методом психологии является типология.

8. Личность представляет собой целостность.

Если Вундт строил физиологическую психологию «снизу», отправляясь от простейших психических явлений максимально близких к физиологии, то герменевтическая психология исходила из необходимости изучать сложные проявления психической жизни. Если Вундт осваивал «пограничные» области психологии, то Дильтей имел в виду рассмотрение «настоящей» психической жизни во всей ее сложности.

Таким образом, в работах В. Дильтея оформилось представление о неклассической психологии, которое впоследствии стало фундаментом герменевтической (гуманитарной) парадигмы в психологии.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Собственно говоря, речь идет о том, что герменевтическая парадигма предполагает работу с другим как с субъектом, поэтому объяснения, предполагающие редукцию в той или иной форме, в психологии неприменимы. Вместо объяснения должны использоваться описания, важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологиям.

А. В. Юревич отмечает, что «вычлениются шесть ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественно-научной: 1) отказ от культа эмпирических методов; 2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъектным» эмпирическим опытом; 3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя; 4) возможность обобщений на основе изучения частных случаев; 5) единство исследования и практического воздействия, 6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст» (Юревич, 2008, с. 5).

По нашему мнению, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического (см.: Мазилов, 2012).

В современной психологии появляются новые претенденты на то, чтобы стать новой парадигмой психологии, что, заметим, представляется совершенно естественным. Рассмотрим коротко эти подходы.

Психотехническая парадигма. Сторонником этого подхода является Ф. Е. Василюк. Схизис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности...» (Василюк, 1996, с. 26).

Главная мысль статьи состоит в том, что наиболее актуальными и важными для нашей психологии являются именно психотехнические исследования, их значение состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии (Василюк, 1996, с. 27).

С последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, выскажем опасения, что, на наш взгляд, с *общепсихологическо-методологическим* значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего, констатируем, что лозунг «от исследования психики к работе с психикой» в принципе не является новым. Об этом говорил известный отечественный методолог Г. П. Щедровицкий. Психотехнические «мотивы» в творчестве Л. С. Выготского обнаруживал, как известно, А. А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом.

Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, «сглаза» и т. д. становятся процедурами принципиально рядоположными. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического *как оно есть*. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. В данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определенным образом характеризует, но всегда существует опасность смешения «существенного» и не вполне существенного. Критерии во многом задаются «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей. Впрочем, еще в позапрошлом столетии К. Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в, что ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям. Может быть, дело в психологических теориях? Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объектна. Наука – и в этом ее сила – предметна, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии – разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей).

И консультативная работа – это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л. С. Выготский в 1927 г. иронизировал по поводу трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренессансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна и может быть объектом специального анализа (Мазилев, 1998). Важно подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует – и это очень важно – о явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва? По нашему мнению, причина все та же – слишком узкое понимание предмета научной психологией.

В последние годы много говорится о *постмодернистской парадигме* в психологии, рассматривается влияние, оказанное на психологию постмодернизмом. Этот актуальный вопрос обсуждается в работе Т. Д. Марцинковской (Марцинковская, 2007). Автор приходит к выводу: «Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнение-понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования,

что органично связывает их методологию с постмодернизмом» (Марцинковская, 2007, с. 43). «Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира – это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности» (Марцинковская, 2007, с. 43). Этому вопросу касается в своей работе и М. С. Гусельцева, которая отмечает: «Прочтение постмодернизма современной психологией – дело сколь эвристическое, столь и ответственное. К находкам постмодернизма относят метафоричность дискурса, синкретичность мысли, принципиальную недоконцептуализированность понятий, творчество терминов, эксперименты со стилем. Что же касается отрицания постмодернизмом автора, субъекта, то и в этом можно найти здравый смысл. Постмодернизм демократичен, он стирает грани между вещами, между старым и новым, низом и верхом, отменяет иерархии. Это мироощущение, это жизненный стиль...» (Гусельцева, 2007, с. 70).

Глубокий анализ влияния постмодернизма на методологию психологии проделан В. А. Янчуком (Янчук, 2000, 2005).

На наш взгляд ввиду размытости постмодернистской позиции она в настоящее время не может претендовать на роль ведущей парадигмы в психологии как науки.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является *синергетика*. В. Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой (Крылов, 1998). Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 1970-х годов. Сам термин введен Г. Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И. Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т. д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных» (Князева, 1995, с. 4).

Особенный интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли синергетика претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В. Ю. Крылов отмечал: «Нелинейные эффекты в психологических системах (имеющих аналогии в других дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» (Крылов, 1998, с. 60). Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По-видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой.) К. Поппер писал о диалектике: «Интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок» (Поппер, 1995, с. 120). Эти слова К. Поппера сказанные в адрес диалектики полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто опи-

сательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию аттракторов, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить, насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя не согласиться с В. Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим, важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Нельзя также не согласиться с другим тезисом В. Ю. Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии. Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» (Крылов, 1998, с. 60).

Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В. Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул-реакция, а именно система должна помещаться в те или иные естественные для не внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Важность этого положения трудно переоценить, так как такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невынужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоциационизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX в. распространение получили структурно-уровневые концепции (см.: Роговин, 1977). Наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставит перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях накоплен материал (который нуждается в анализе и методолого-психологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (холизме), телеологии и т. д., которые пытается ввести синергетический подход. Как отмечают сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т. е. о синергетическом видении когнитивных процессов как об общепринятых и в достаточной мере разработанных» (Князева, 1995, с. 218).

Впрочем, есть и более оптимистические оценки. В. Е. Ключко отмечает: «Психосинергетика – это теоретическая психология, точнее, психология, способная теоретически определить предмет своего исследования. Психология, сознательно согласившаяся с тем, что нельзя изучать работу разума, останавливая свое мышление на уровне рассудка. Потребуется еще громадная внутренняя работа, итогом которой должна стать совсем простая идея: не может возникнуть живое из неживого – его там просто нет по определению; не может психика (дух, душа) возникнуть из материи „при ее непосредственном воздействии на органы чувств“ – ее там нет. Нет у человека прямого контакта с миром „чистой объективности“, как нет его и с миром, в котором живет чистый (абсолютный) Дух. Нет у Духа своей обители, как нет и его самого – рафинированного, „чистого“. Дух не скитается и не обитает неведомо где, а живет (в своей идеальной, интегральной форме) в культуре, в этом совокупном общественном продукте. Из нее он переходит в форму реального активного дифференцированного бытия в качестве духа конкретного человека, в нее возвращается по окончании его жизни – чаще обогащенным, ино-

гда деформированным и больным и вынужденным восстанавливаться в процессах перехода в идеальную форму, в процессах интеграции со своей первоосновой» (Клочко, 2001, с. 107).

В. Е. Клочко продолжает: «Самое сложное заключается в том, чтобы понять эту простоту: как „объективная реальность“, так и „субъективная реальность“ есть порождение обыденного сознания, рассудка, а задача „разумной“ (теоретической) психологии заключается в том, чтобы не психику, а целостного человека определить в качестве предмета науки. Ее актуальной задачей является прослеживание того каким образом культура, хранящая и аккумулирующая в себе „дух“ предков (добытые ими знания, отработанные способы видения мира, познания, мышления, их смыслы и ценности бытия, их волю, страсть и т. д.), трансформируется в одухотворенный мир конкретного человека, превращается в нем в то, что составляет его человеческую сущность: многомерный, наполненный предметами, звуками, красками, смыслами и ценностями, развивающийся Мир – в единственного претендента на то, чтобы называться „реальностью“ и „действительностью“» (Клочко, 2001, с. 108). Психосинергетика, по В. Е. Клочко, имеет большие перспективы развития: «Тенденция развития научного мышления, идущая по линии „метафизика – диалектика – синергетика“ не оборвется на синергетике. Она продолжится через конкретизацию в пока недоступных нам механизмах метасистемного мышления. Нам же предстоит ассимилировать этот временный предел научной мысли как опору для ее дальнейшего движения. Причем ассимилировать не на простых системах, где взаимодействие со средой обеспечено фактом однопорядковости, однородности, относительной тождественности системы и ее среды, когда запрограммирована случайность встречи явлений и сущностей, не являющихся в полной мере противоположностями, приводящая каким-то образом к порядку. Психосинергетике предстоит объяснить, каким образом детерминирована, обусловлена сама возможность взаимодействия живого и неживого, материи и духа, психического и физического, открыть причину их взаимодействия и его порождающий эффект» (Клочко, 2001, с. 109).

Оценки В. Ф. Петренко менее оптимистичны: «Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психической жизни и ее нейропсихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел, термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (деперсонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциальных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна» (Петренко, 2008, с. 436).

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не может претендовать на то, чтобы явиться новой полноценной парадигмой психологии.

Конструктивистская парадигма. Выше, говоря о зарубежных представлениях о парадигмах в современной психологии, уже упоминали о конструктивистской парадигме. Ныне конструктивизм претендует на то, чтобы явиться парадигмой современной психологии. Согласно В. М. Розину, не может существовать психология как естественная наука, опирающаяся на закон. «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). В реальной психологии, по Розину, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчи-

тивать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними деятельность. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны действовать практически» (Розин, 2010, с. 93).

Согласно оценке А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова, подход В. М. Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы.

Вопрос, который, на наш взгляд, давно заслуживает серьезного обсуждения, – это вопрос о психологическом конструктивизме. Сторонники этой идеи – в сущности правильной и перспективной – обычно полагают, что принцип конструктивизма для психологии является чем-то новым. На наш взгляд, это просто заблуждение. Вся неклассическая психология основана на конструктивизме. В классической психологии – наследнице картезианского самонаблюдения – предполагалось, что самонаблюдение дает истинное знание. Когда выяснилось, что это не так, стали использоваться опосредованные методы исследования, обнаружилось, что то, что реально изучается в психологии, есть *конструкт*, созданный в сознании исследователя, поэтому ничего нового для методологически ориентированного психолога здесь нет. В других науках ситуация может быть иной, но мы говорим о психологии.

Понятно, что в качестве конструктов могут выступать более или менее обобщенные конструкции, более и менее целостные. И, конечно, реальные исследования по этому показателю могут быть самые разные. И именно здесь кроется важное отличие одной психологии от другой. Заслуживает внимания вопрос о том, что в практической психологии используются в основном не модели, а схемы. Это так, потому что схема предписывает действие с объектом, что значимо для практико-ориентированной психологии, которой не нужно измерять, но важно определить, как правильно действовать.

Итак, мы можем констатировать, что в современной психологии лишь естественно-научная и герменевтическая парадигмы могут претендовать на то, чтобы называться парадигмами по праву. По нашему мнению, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического.

Парадигмальный диалог – отдельная проблема, достойная специального обсуждения, которое, как представляется, скоро предстоит. В порядке предположения выскажем мысль, что все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Об этом пишет А. В. Юревич: «Комплексные, многополярные психологические объяснения, в которых нашлось бы место и нейронам, и смыслу жизни, могли бы послужить одним из главных средств преодоления противостояния естественно-научного и гуманитарного изучения психики» (Юревич, 2008, с. 14). А. В. Юревич приходит к выводу, что «новые тенденции в развитии психологической науки дают основание предположить, что она отнюдь не обречена на извечное противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигм, которые при определенном взгляде на психологическую реальность могут выглядеть не только не антагонистичными, но и, в терминах Т. Куна, вполне соизмеримыми друг с другом и друг в друге нуждающимися» (Юревич, 2008, с. 14).

Для этого, на наш взгляд, необходимы преобразования внутри самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого ее предмета (Мазиллов, 2007). Такого рода преобразования в общей психологии сделают реальными перспективы парадигмального диалога и, возможно, парадигмального синтеза.

Практическая психология (психологическая практика)

В самые последние годы происходит усиление внимания к исследованиям в области методологии психологии. Стоит специально подчеркнуть, что подавляющее большинство специаль-

ных методологических исследований относится именно к методологии *психологической науки*. Методологическим проблемам *психологической практики* уделяется куда меньшее внимание, что представляется совершенно неоправданным. Приведем самое распространенное определение методологии. Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и *практической деятельности* (курсив мой. – В. М.), а так же учение об этой системе» (Спиркин и др., 1989, с. 359). Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. В современной отечественной психологии наблюдается удивительная картина: если даже методологическим проблемам научной, академической психологии уделяется недостаточное внимание, то методологии *психологической практики* тем более.

Обратимся к книге И. Н. Карицкого, поскольку она является первым систематическим методологическим исследованием психологической практики и ее значение нельзя переоценить.

В последние десятилетия в нашей стране наблюдается интенсивное развитие практической психологии. Возникает огромное количество психопрактик, психотехник, психотехнологий, практико-ориентированных подходов. Естественно, что это не может не породить значительного числа новых, в том числе и методологических проблем. Многочисленные психологические практики должны быть проанализированы, классифицированы, что представляется необходимым для выявления их реальных возможностей. Вместе с тем мы можем констатировать, что теоретико-методологический анализ многочисленных практик до сих пор не осуществлен. Более того, не выполнена даже предварительная разработка средств методологического анализа психологической практики. По этой причине монография Карицкого И. Н. является чрезвычайно актуальным, методологически и теоретически значимым исследованием, поскольку в значительной степени восполняет существующий в современной психологической науке пробел.

Возьмем в качестве примера пассаж из статьи А. Г. Асмолова, характеризующий положение дел в современной психологии: «В психологии двадцатого века народились свои города, свои психологические страны, свои материки. Одни психологи живут в стране психоанализа, другие – на материках бихевиоризма, гештальтпсихологии, когнитивной и гуманистической психологии. То тут, то там на поверхности моря психологической мысли появляются одинокие острова „психосинтеза“, „кросскультурной психологии“, „нейролингвистического программирования“ и т. п. На все эти земли есть социальный и личный спрос. И спрос немалый. Куда психологу податься? Будем ли мы чужеземцами на этих островах и материках? Сможем ли пересечь границы между этими далеко не всегда ждущими вторжений, заморскими психологическими территориями? Не забудем ли мы, при все развивающейся тяге странствий в столь различных и далеких психологических краях, откуда мы вышли и, главное, пойдем ли, наконец, куда идем?» (Асмолов, 1999, с. 3). Работа И. Н. Карицкого (если воспользоваться вышеприведенной метафорой) снабжает путешественников и картами, адекватно отражающими территории, и навигационным инструментом, что делает перемещения в психологическом пространстве более безопасными и комфортными.

Итак, работа И. Н. Карицкого посвящена теоретико-методологическому исследованию проблем современных социально-психологических практик. Актуальность темы обусловлена рядом факторов и не в последнюю очередь связана с многообразием подходов к трактовке социально-психологических феноменов как внутри психологической науки, так и при их реализации на практике. Одну из своих задач автор видит в выработке общезначимых критериев для анализа содержания различных психопрактических систем, их сравнения и оценки. Эта задача реализуется через разработку теоретической модели психологической практики и выяснение механизмов формирования видов психологических практик. Разработанная модель

предлагает определенные методологические инструменты для соотнесения между собой концептуального, методического и иного содержания психотехнологий и психотехник.

Автор исследует основное теоретико-методологическое содержание понятия психологической практики, формулирует представление о пространстве собственной психологической практики в отличие от прикладного использования данных психологической науки в других сферах социальной деятельности. Он доказывает тождество понятий психологической и социально-психологической практики, обосновывая это тем, что всякая практика является социальной по своей сути и психологическая практика может быть развернута только как социально-психологическая практика. Далее он исследует понятийное пространство практической психологии. Детальное внимание уделяется анализу конкретных видов психологической практики, в частности, психотерапии, психокоррекции, психологическому консультированию, психологической помощи, психологическому тренингу, диагностике, личностному росту и другим, их сравнению по ряду критериев. Автор формулирует важное положение, что психологическая практика является центральной категорией практической психологии.

Отдельная глава его работы посвящена системно-динамическому исследованию психологической практики и анализу конкретных психопрактических систем. Автор показывает, что психологическая практика представляет собой систему относительно самостоятельных действий, подчиненных основной деятельности, которая организует ее в смысловом и технологическом отношении. В связи с этим выделяются понятия деятельностнообразующих и дополнительных аспектов. Деятельностнообразующие аспекты, становясь ведущей деятельностью, образуют виды психологических практик. Другой момент анализа связан с введением понятий предпосылок и оснований психологических практик. Автор выделяет социальные, личностные, концептуальные, методологические, практические и феноменальные предпосылки и основания психологических практик, исследует взаимосвязь аспектов и оснований как в теоретическом плане, так и в процессе анализа ряда конкретных психопрактических методов. Развернутому исследованию подвергается психотехнологическое и психотехническое содержание психологической практики, доказывается, что оно является структурной компонентой методологических оснований.

И. Н. Карицким (2002а, 2002б, 204, 2011) предложен ряд классификаций психологических практик, на основе того содержания (аспекты, основания), которое было выявлено в процессе построения модели психопрактики. Содержание деятельностнообразующих аспектов положено в основу классификаций по видам практик. Содержание разных уровней концептуальных и методологических оснований позволяет классифицировать практики по направлениям и школам в психологии, по базисным уровням воздействия, по ценностным признакам, критериям рефлексивности, структурированности и др.

Авторская концепция психологической практики имеет несомненный теоретико-методологический и прикладной интерес. Одним из ее результатов является экспликация содержания психологической практики в развернутую теоретическую модель, которая адекватно выражает основные взаимосвязи и механизмы психопрактического процесса. Предложенная модель имеет ряд прикладных аспектов. Она может служить теоретико-методологической основой для последующих исследований, может быть использована в учебном процессе, в том числе в прикладных курсах.

В концепции И. Н. Карицкого в качестве центральных моментов следует выделить следующие:

- 1) сущность и содержание психологической практики (психопрактики);
- 2) модель психопрактики;
- 3) классификационный анализ психопрактик на основе содержания модели.

Стоит подчеркнуть, что сущность и содержание психологических практик подвергаются специальному методологическому анализу фактически впервые. Между тем не подлежит

сомнению, что это один из важнейших вопросов методологии современной практической психологии. Содержание монографии позволяет прийти к выводу, что И. Н. Карицкий вносит значительный вклад в разработку этого вопроса.

Но наибольшее значение, по нашему мнению, для современной методологии имеет разработанная автором модель психологической практики. Автор детально рассмотрел следующие аспекты:

- 1) предпосылки психопрактики;
- 2) вертикальную структуру психопрактики – психопрактические основания, среди них:
 - a) концептуальные;
 - b) методологические;
 - c) практические;
 - d) феноменальные.
- 3) уровневый анализ методологических оснований психотехнологического, психотехнического и методического содержания (каждый уровень оснований имеет свою уровневую структуру);
- 4) горизонтальную структуру психопрактики – психопрактические аспекты, среди которых выделяются две группы:
 - e) деятельностнообразующие (например, психотерапевтический, консультационный, тренинговый и пр.) и дополнительные (например, контекстуальный, компенсационный, интеграционный и пр.);
- 5) механизм формирования вида психопрактики путем генерализации деятельностнообразующего психопрактического аспекта;
- 6) взаимное соотношение предпосылок, оснований и аспектов психопрактики;
- 7) динамическое содержание психопрактики;
- 8) полную модель психопрактики;
- 9) анализ содержания конкретных психопрактических систем на основе модели психопрактики;
- 10) раскрыты эвристические возможности предложенной модели.

Как представляется, разработка модели психологической практики И. Н. Карицким является наиболее значительным вкладом в методологию. Это позволяет построить (такая работа автором выполнена) научно обоснованную классификацию психопрактик. Впервые появилась возможность не просто перечислить различные психологические практики, но сопоставить их по существенным основаниям. Значение работы И. Н. Карицкого в том, что она открывает новую главу в разработке методологии отечественной психологии.

Методология в трактовке автора предстает достаточно стройной системой положений, представляющих собой рабочий инструмент психолога. Методология психологической практики столь подробно разрабатывается в нашей науке впервые.

Значение работы И. Н. Карицкого также в том, что предложенная им модель – работающая, т. е. позволяет конструктивно решать различные возникающие проблемы. Например, концепция И. Н. Карицкого проясняет логику развития той или иной практики, механизмы и основные типы развития.

Одна из центральных задач научной психологии – выработать непротиворечивую картину психического. Это возможно только при интеграции психологического знания, что должна обеспечить разрабатываемая в последние годы коммуникативная методология. Работа И. Н. Карицкого вносит существенный вклад и в эту область. Различные психологические практики могут быть проанализированы, они становятся соотносимы.

Возникает еще один (причем важнейший для современной методологии психологии) вопрос: есть ли непосредственная связь между *методологией психологической науки* и *мето-*

дологией психологической практики, либо они обречены на параллельное и относительно независимое существование?

Наш ответ однозначен: мы полагаем, что такая связь существовать должна, просто в настоящий момент она не эксплицирована (в первую очередь из-за недостаточной теоретической разработанности проблемы предмета психологии).

Академическая и практическая психологии, соотношение. Современность

В 2011 г. в «Психологическом журнале» была опубликована статья А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова «Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия», в которой, в частности, отмечается, что «проблема практической релевантности фундаментальных исследований на протяжении десятилетий волнует психологов, стремящихся ощутить пользу от своих исследований в обозримое время, а не в неопределенном „светлом будущем“» (Журавлев, Ушаков, 2011, с. 5). Авторы ставят, в частности, такую важную проблему, как выявление характера связей между фундаментальной психологией и практикой, который эволюционирует и оказывается индикатором общего состояния психологического знания. Эта статья вызвала дискуссию, в которой приняли участие А. Б. Орлов (Орлов, 2012), В. М. Розин (Розин, 2012), А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков (Журавлев, Ушаков, 2012а). В статье А. В. Юревича рассматривается современный уровень взаимодействия исследовательской и практической психологии. Автор подчеркивает, что «схизис» между этими психологиями продолжает обсуждаться. А. В. Юревич показывает, что их расхождения сохраняются несмотря на наблюдающиеся когнитивные и социальные тенденции к сближению. Вместе с тем, по его мнению, существующие представления о «схизисе» во многом порождены неадекватными ожиданиями в отношении академической психологии, а также недооценкой различия социальных функций фундаментальной и прикладной науки (Юревич, 2012).

В самое последнее время новый виток дискуссии, связанной с противопоставлением академической психологии и практической психологии, дали новые публикации А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова. Можно полагать, что эти работы перевели дискуссию на новый уровень, поскольку авторы увидели в противостоянии академической и практической психологии противостояние, в первую очередь, парадигмальное и предприняли попытку его объяснения. Познакомимся с аргументацией авторов.

Прежде всего отметим, что позиция авторов проявляется в том, что они стремятся максимально точно определить обсуждаемые понятия. Сопоставляя различные термины (академическая психология, академико-университетская, фундаментальная психология), авторы приходят к выводу, что «настоящий водораздел проходит по линии использования контролируемого эксперимента. Одна психология, часто именуемая академической, строит теории на основе эксперимента или воспроизводимого исследования, а другая, именуемая практической, свертывает их с клиническим наблюдением и строит на них практическую деятельность, не особенно заботясь о воспроизводимой проверке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 160). Отсюда возникают и другие вторичные и производные определения.

Важным представляется соображение авторов, согласно которому практика в таких областях, как психотерапия, где нет опоры на воспроизводимый эксперимент, тем не менее не может быть названа атеоретичной: в ее основе лежит теория, однако не экспериментальная, а основанная на впечатлениях клинициста. Авторы приходят к заключению, что самым точным будет определять академическую психологию как науку, в которой теории обосновываются путем проведения эксперимента или иных контролируемых и воспроизводимых эмпирических исследований. Такое определение было бы слишком длинным, авторы предпочитают использовать термин «теоретико-экспериментальная психология». Как синоним используется

и термин «академическая психология» – для того, чтобы сохранить единое терминологическое поле с предыдущими работами (Журавлев, Ушаков, 2012).

Авторы реализуют исторический подход и прослеживают историю взаимоотношений теоретико-экспериментальной и практической психологий в нашей стране. Они выявляют тенденции в психологии последнего времени, направленные на сближение академической и практической психологии. Представляется чрезвычайно важным следующий момент. Авторы справедливо отмечают, что «картина, ставшая результатом рефлексии в 1990-е годы, во многом возникла по той причине, что предметом этой рефлексии была преимущественно психотерапия» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 164). Авторы подчеркивают, что сегодня возникает потребность в более обобщенном взгляде, интегрирующем различные сферы науки и практики. В качестве других примеров приводятся инженерная психология и эргономика, психология подбора персонала и т. д. «Следовательно, представление о связи фундаментальной психологии с психологической практикой надо строить на всей совокупности фактов, а не только на основе фрагмента реальности, связанного с различными формами консультационной или психотерапевтической практики» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 165).

Авторы приходят к мысли, что в качестве объяснительного принципа разделения теоретико-экспериментальной и практической психологии выступают способы работы со знанием: «Без обращения к специфически психологическим способам функционирования знаний, без анализа концептуального аппарата психологии во взаимосвязи с подходами к эмпирическим исследованиям остается непонятным, например, почему в психологии, в отличие от других наук, экспериментальный и практический проект не сходятся, а наоборот, по мнению многих все более расходятся» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 167–168).

Как отмечают А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков, в данном отношении намечаются два подхода. Согласно первому, проблема состоит в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. «Это знание не является сегодня настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 168).

Согласно второму объяснению, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественно-научным образцам лежат в основе ее отрыва от практики. Практика в рамках такого подхода нуждается в по-новому ориентированной фундаментальной науке, которая уже не будет целиком полагаться на могущество эксперимента, а отдаст дань более гуманитарно направленным вариантам знания (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 168).

Рассмотрим, вслед за авторами, наиболее существенную аргументацию.

Первый из обозначенных подходов связан с именем Я. А. Пономарева. Согласно Я. А. Пономареву, можно выделить три типа научного знания:

- 1) созерцательно-объяснительный;
- 2) эмпирический;
- 3) действенно-преобразующий.

Первый тип относится к доэкспериментальной науке, два других имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. При эмпирическом типе знания не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются лишь эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков поясняют: «Иными словами, при всем многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуются другие модели. Так образуется эмпирическая многоаспектность – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях... Нам сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой нашей

психики. Мы знаем о механизмах цветовосприятия и о воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к такому видению, которое объединило бы эти локальные достижения в единое целое» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169).

Синтез, или интеграция локальных моделей составляет задачу «действенно-преобразующего знания, которое должно упорядочить локальные модели на основе „объективных критериев“, в качестве которых, по Пономареву, выступают структурные уровни организации явлений – трансформированные... этапы развития» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169). «В нашем контексте важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является раскрытие „глобального «черного ящика»“. Знание эмпирического типа описывает „черный ящик“ извне, а если и раскрывает, то делает это только применительно к „локальному «черному ящику»“, описывая механизм отдельной изолированной функции» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169–170).

В соответствии со схемой, предложенной Я. А. Пономаревым, различные сферы практики можно разделить, отмечают авторы, в зависимости от их локальности или глобальности в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком лишь отдельных действий и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально-ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач. Примером может служить инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации процессов переработки. А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков отмечают: «Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности, как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточно фундированными экспериментом, в результате чего классическая схема «теория-эксперимент-практика» нарушается» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 170). Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются бесполезными, поскольку могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков обращают внимание на то, что существует несколько типов локальных моделей. Они выделяют два: первый – локальные модели механизмов (в этих моделях происходит раскрытие «черного ящика», однако лишь в локальном механизме, который является только частью того механизма, который стоит за целостным явлением); второй – локальные модели условий протекания процессов (здесь «черный ящик» не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом). Авторы подчеркивают, что «в этом плане создание локальных моделей механизмов – логичный путь к тому, чтобы постепенно решать большую проблему, но при этом фактически каждая модель относится не к обособленной реальности, а к «функциональному органу», формируемому для решения определенной задачи и тем самым зависимому от структуры целого, подобраться к которой пока не удастся» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 171). Тем не менее знания локальных механизмов могут быть весьма полезны для практики. Хотя они не дают целостного алгоритма действий, не могут обеспечить предсказания результата, зато служат весьма эффективным дополнительным инструментом в руках профессионала.

Второй, альтернативный подход «в весьма последовательной и развернутой форме» – психологический конструктивизм. Согласно Журавлеву и Ушакову, обоснован известным философом и методологом В. М. Розиным. Согласно В. М. Розину, не может существовать психология как естественная наука, опирающаяся на закон. «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических зако-

нов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). В реальной психологии, по Розину, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними деятельность. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны действовать практически» (Розин, 2010, с. 93). А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков подчеркивают, что «психология не только знание о человеке, но его проект («замышление», по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов – не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин)» (Журавлев, Ушаков, 2012, с.172).

«С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобный другим артефактам: зданиям, произведениям искусства, машинам и т. д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает культура. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой стройке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с.172). «Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа „человеческих построек“. Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип постройки. В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психологическое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 172–173).

Представляется чрезвычайно важным замечание В. М. Розина: «В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических построений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев» (Розин, 2010, с. 101).

Согласно оценке А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова, подход В. М. Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы: «Очевидно, что в какой-то мере каждый человек – конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях... Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ о наиболее *общих закономерностях*, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным случаем* при тех или значениях параметров. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако, оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задаться вопросом, является ли она универсальной, или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 173).

Как отмечают А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков, «с позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, но схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащих с патологией» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 174).

Авторы приходят к оптимистическому выводу, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако он не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать принципы психологического конструктивизма (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 175).

Общее заключение А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова таково, что «академическая и практическая психологии работают каждая по своим эталонам, и в этом смысле их характеристика как различных парадигм правомерна» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 175).

Но применение взглядов Т. Куна к психологии требует их уточнения и модификации. «Дело скорее в том, что понятия Т. Куна недостаточно тонки, чтобы характеризовать ситуацию в психологии. Следует отметить, что это вряд ли связано со спецификой психологии. В частности, П. Фейерабенд критиковал Т. Куна за недоучет факта параллельного существования исследовательских традиций...» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 176).

Академическая и практическая психологии: соотношение, перспективы

Представляется важным, что, говоря о практической психологии, А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков приходят к выводу, что она не однородна, дифференцируют «пространство» этого направления, выделяя, с одной стороны, психотерапию, работающую с целостной личностью, а с другой – иные области, имеющие иное «устройство», например, инженерную психологию или подбор кадров.

Зафиксированное авторами различие между академической и практической психологией определяется, видимо, различными задачами: для академической психологии важно быть «научной», поэтому она действительно «строит теории на основе эксперимента или воспроизводимого исследования», чтобы объяснить факты, желательно подведя под какой-либо закон, а перед психотерапевтом находится всего лишь уникальная личность, которую не надо объяснять, но которой нужно помочь. Помочь можно только в том случае, если понять, что с этой личностью происходит. Ясно, что идеал воспроизводимого исследования психотерапевта совсем не волнует.

Не стоит забывать, что традиционно академическую психологию в большей степени интересует сфера познания или деятельности, тогда как практическую психологию – личность, которая, по определению, более целостна.

Мы уже касались в настоящей статье вопроса о конструктивизме. Вся неклассическая психология основана на конструктивизме. В классической психологии – наследнице картезианского самонаблюдения – предполагалось, что самонаблюдение дает истинное знание. Когда выяснилось, что это не так, стали использоваться опосредованные методы исследования, обнаружилось, что то, что реально изучается в психологии, есть *конструкт*, созданный в сознании исследователя. Понятно, что конструкты могут быть более или менее обобщенными и целостными. И, конечно, реальные исследования по этому показателю отличаются. Именно здесь кроется важное отличие одной психологии от другой.

Заслуживает внимания вопрос о том, что в практической психологии используются в основном не модели, а схемы. Это так, потому что схема предписывает действие с объектом, что значимо для практико-ориентированной психологии, которой не нужно измерять, но важно определить, как правильно действовать.

Несомненно, важно, что к данной проблематике – к соотношению академической и практической психологии – применяется парадигмальная терминология. Стало общим местом утверждение, что парадигмы понимаются в психологии очень вольно, разные авторы вкладывают в это понятие различный смысл.

Нам кажется, что говорить об оппозиции академической и практической психологии как парадигмальном противостоянии не приходится уже потому, что между ними нет конкуренции, поскольку каждая занимает свою нишу. Если у той или иной разновидности практической психологии нет своей теории, то, скорее всего, это место займет какая-нибудь мифология, но совсем маловероятно, что это окажется какая-либо научная концепция. Ибо у них разные задачи. И по своему устройству они разные.

И если говорить о парадигмальном противостоянии, то это будет очередное противостояние естественно-научной парадигмы (которая выступает в данном случае через какую-то теорию от «академической» психологии) и герменевтической (которая стоит за какой-то практико-ориентированной психологией). Впрочем, об этом написано вполне достаточно (Мазиллов, 2013а, б, в).

Практическая психология в настоящее время, как можно полагать, находится в состоянии оформления в самостоятельную дисциплину. По определению В. Н. Дружинина, практическая психология и сегодня отчасти остается искусством, отчасти базируется на прикладной психологии как системе знаний и научно обоснованных методов решения практических задач (Современная психология, 1999). В целом эта констатация справедлива и сегодня, так как практическая психология чрезвычайно неоднородна и, несомненно, включает в себя названные составляющие. Но, как можно полагать, в настоящее время происходит формирование практической психологии как особого направления внутри психологической науки. При чрезвычайной неоднородности практической психологии (в качестве таковой выступают и элементы академической психологии, «дополненные» примерами «из жизни», и прикладная психология как таковая, и различного рода ненаучные концепции, основывающиеся на эзотерических учениях, мистике, астрологии и т. п., и так называемая «pop-psychology» – психология для массового читателя, и т. д.), тем не менее уже сегодня можно говорить о формировании парадигмы собственно практической психологии как отрасли психологической науки, имеющей специфические цели и задачи, методы, способы объяснения и т. д.

Представляется перспективным дать эскиз этой парадигмы. Итак, что такое практическая психология сегодня? Во-первых, это дисциплина, которая определяется не через предмет, а через объект. В практическом отношении всегда важнее дать общую (целостную) характеристику личности. В медицине, праве, педагогике, искусстве и т. п. куда важнее определить, кто находится перед тобой, чем следовать исторически сложившимся (поэтому неизбежно исторически ограниченными) канонам научности. Уместно заметить, что в качестве такового обычно принимается «стандарт», сформировавшийся и оформившийся в сфере естественных наук. В соответствии с таким стандартом выделяется «клеточка», из которой должно «выстроиться» искомое «целое».

Напомним, еще В. Дильтей в конце XIX столетия предупреждал, что такая стратегия в области психологии малоперспективна. Поэтому практическая психология исходит не из предмета, а из объекта. Объект принципиально целостен. Как нам представляется, здесь необходимы некоторые пояснения. Предметом научной академической психологии традиционно считается либо психика, либо поведение (в зависимости от того, к какой научной школе принадлежит психолог-исследователь). Это на уровне деклараций. Реально подлежат изучению либо явления поведения (доступные внешнему наблюдению), либо феномены самосознания (которые фиксируются с помощью самонаблюдения). Исходя из этого реального предмета строится гипотетическая конструкция – *предмет* науки. Как правило, это результат мыслительной деятельности познающего, т. е. нечто имеющее опосредствованный характер (например, психика). Из этого элементарного предмета должно быть выведено все богатство явлений, относящихся к сфере данной науки – *совокупный предмет*. Важно подчеркнуть, что реальный совокупный предмет получается в результате «конструктивной» (в смысле В. Дильтея) деятельности. Таким образом, в данном случае путь науки: от «единиц» к «целому».

В практической психологии путь принципиально обратный. Это достигается за счет того, что в качестве исходного берется не предмет, а *объект*. Объект принципиально целостен. В качестве объекта практической психологии выступает личность. Следует специально подчеркнуть, что понимание личности в практической психологии существенно отлично от трактовки личности в академической психологии (можно указать по меньшей мере десять принципиальных отличий) (Мазилов, 2015). Как практически-ориентированная область знания, она исходит из представления о целостном объекте, не пытаясь «выстроить» его из предполагаемых (и, естественно, гипотетических) «единиц», но пытаясь охватить его целиком. Отсюда следует и специфический метод: он может быть определен как гуманистический, предполагающий диалог исследователя и исследуемого (поскольку последний является носителем сознания), и игнорирование этого обстоятельства, по меньшей мере, недальновидно. Исходными принципами практической психологии могут быть названы целостность и типологичность (в противоположность «элементаризму» и «конструктивизму» научной психологии, которые были зафиксированы еще В. Дильтеем в 1894 г.). Идеалом научности для практической психологии является описание и предсказание (поведения личности), а не объяснение. Средством – не построение научных моделей, а разработка типологий (многочисленных, по разным основаниям), классификация и описание индивидуальных случаев.

Бряд ли стоит специально подчеркивать, что конечной целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, так как практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (в скобках заметим, что цель академической психологии – обнаружить общие законы и «вписать» предмет изучения в общую картину мира). Естественно, что различается и представление об «итоговом продукте»: в академической психологии это построение возможно более убедительной научной модели, в которой получили воплощение общие «законы жизни» научного предмета, в практической психологии это «всего лишь» описание или типология, предполагающая ту или иную квалификацию «индивидуального» случая.

Мы полагаем, что эффективное взаимодействие между практической и научной психологией станет возможным благодаря *методологии, причем методологии коммуникативной*. Для этого необходима теоретическая разработка проблемы предмета психологии. На наш взгляд, необходимо создание теоретической модели предмета психологии.

В заключение остановимся на проблеме предмета психологии главной методологической проблеме. Речь идет о выработке его нового понимания. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии, очевидно, представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук. Понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить работы психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Значимые результаты получены в области методологии психологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов (Теория и методология..., 2007; Субъектный подход в психологии, 2009; Парадигмы в психологии, 2012; Методология современной психологии, 2011), и др.

В решении этой проблемы можно выделить два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение

концепта «предмет психологии». В этом направлении работа также уже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» (В. Д. Шадриков), поскольку это понятие позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Подготовлен учебник для будущих психологов (Шадриков, Мазиллов, 2015). При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порожаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые изучает психология.

Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т. е. именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как представляется, кризис в психологии имеет урвневое строение. Полезно выделить трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый, относительно неглубокий, – уровень отражения закономерностей любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил, что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественно-научной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гарай и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Брентано и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетиче-

ские» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к этому уровню можно сказать, что это действительно постоянный кризис. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне – парадигмальном – речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, сложится впечатление, что кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественно-научного подхода приводят к повышенным ожиданиям от гуманистического (в последние годы также и от других парадигм: конструктивистской, психотехнической, синергетической, постмодернистской). В настоящее время налицо повышенное внимание к нейронаукам, достижениям в области фармакологии, которая создает препараты, направленно модифицирующие психическую активность.

И, наконец, первый, явленный на поверхности, отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии, деятельностном подходе и т. д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному «наложении» – усилению переживания, т. е. кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который позволил бы преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узкой неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным. Это тема отдельной работы.

Литература

500 лет использования понятия «психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ MarkoMarulic). Информационное письмо // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 4. URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/205-902 (дата обращения: 30.10.2014).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.